

ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. Том 16. Номер 2

Главный редактор: А.В. Смирнов (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Зам. главного редактора: Н.Н. Сосна (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Ответственный секретарь: Ю.Г. Россиус (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Редактор: М.В. Егорочкин (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

В.В. Васильев (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), Лоренцо Винчигуэрра (Пикардийский университет, Амьен, Франция), М.Н. Вольф (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия), С.В. Девяткин (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Новгород, Россия), Марица Денн (Университет Бордо-Монтэнь, СЕММС/CERCS, Франция), А.А. Кара-Мурза (Институт философии РАН, Москва, Россия), И.Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.А. Лекторский (Институт философии РАН, Москва, Россия), Ханс Ленк (Институт технологий г. Карлсруэ, Карлсруэ, Германия), В.И. Маркин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), М.А. Маслин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), А.А. Россиус (Итальянский институт философских исследований, Неаполь, Италия), В.Г. Федотова (Институт философии РАН, Москва, Россия), Чжан Байчунь (Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай)

Редакционный совет

Эвандро Агацци (Университет Панамерикана, Мехико, Мексика), В.И. Аршинов (Институт философии РАН, Москва, Россия), Е.В. Афонасин (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия), В.Д. Губин (РГГУ, Москва, Россия), А.А. Гусейнов (Институт философии РАН, Москва, Россия), И.Р. Мамед-заде (Институт философии, социологии и права НАНА, Баку, Азербайджан), А.С. Манасян (Ереванский государственный университет, Ереван, Армения), Том Рокмор (Университет Дюкени, Питтсбург, США; Университет Пекина, Пекин, Китай), Антония Сулез (Университет Париж-VIII, Сен-Дени, Франция), М.М. Федорова (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.В. Целищев (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2008 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61227 от 3 апреля 2015 г.

Журнал включен в: Web of Science (Emerging Sources Citation Index; Russian Science Citation Index); Scopus; Ulrich's Periodicals Directory; EBSCO; ERIN PLUS; Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (группы научных специальностей 09.00.00 «Философские науки»); КиберЛенинка

Подписной индекс каталога Почты России – ПН142

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

При частичном или полном воспроизведении опубликованных материалов ссылка на «Философский журнал» обязательна. Ответственность за достоверность приведенных сведений несут авторы статей

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 612

Тел.: +7 (495) 697-66-01

E-mail: philosjournal@iphras.ru

Сайт: <https://pj.iphras.ru>

THE PHILOSOPHY JOURNAL

(FILOSOFSKII ZHURNAL)

2023. Volume 16. Number 2

Editor-in-Chief: Andrey V. Smirnov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Deputy Editor-in-Chief: Nina N. Sosna (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Executive Editor: Julia G. Rossius (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Editor: Mikhail V. Egorochkin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)

Editorial Board

Vadim V. Vasilyev (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Marina N. Volf (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), Lorenzo Vinciguerra (University of Picardy, Amiens, France), Sergey V. Devyatkin (Yaroslav the Wise Novgorod State University, Novgorod, Russia), Maryse Dennes (Université Bordeaux Montaigne, CEMMC/CERCS, France), Alexei A. Kara-Murza (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Ilya T. Kasavin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vladislav A. Lektorsky (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Hans Lenk (Karlsruhe Institute of Technology, Karlsruhe, Germany), Vladimir I. Markin (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Mikhail A. Maslin (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Andrei A. Rossius (Italian Institute for Philosophical Studies, Naples, Italy), Valentina G. Fedotova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Zhang Baichun (Beijing Normal University, Beijing, China)

Advisory Committee

Evandro Agazzi (University Panamericana of Mexico City, Mexico), Vladimir I. Arshinov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Eugene V. Afonasin (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), Abdusalam A. Guseynov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Valery D. Gubin (Russian State University for Humanities, Moscow, Russia), Ilham Mammad-zadeh (Institute of Philosophy, Sociology and Law, Baku, Azerbaijan), Aleksandr S. Manasyan (Yerevan State University, Yerevan, Armenia), Tom Rockmore (Duquesne University, Pittsburg, USA; Peking University, Beijing, China), Antonia Soulez (Université Paris-VIII, Saint-Denis, France), Maria M. Fedorova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vitaly V. Tselitshev (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Frequency: 4 times per year

First issue: November 2008

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. FS77-61227 from April 3, 2015

Abstracting and Indexing: Web of Science (Emerging Sources Citation Index; Russian Science Citation Index); Scopus; Ulrich's Periodicals Directory; EBSCO; ERIH PLUS; the list of peer-reviewed scientific editions acknowledged by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation; CyberLeninka

Subscription index in the catalogue of Russian Post is ПИ142

No materials published in The Philosophy Journal can be reproduced, in full or in part, without an explicit reference to the Journal. Statements of fact and opinion in the articles in The Philosophy Journal are those of the respective authors and contributors and not of The Philosophy Journal

All materials published in the The Philosophy Journal undergo peer review process

Editorial address: 12/1 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 697-66-01

E-mail: philosophjournal@iphras.ru

Website: <https://pj.iphras.ru>

В НОМЕРЕ

ДИСКУССИИ

Смысловой поворот и типология рациональности

- А.В. Смирнов.* Смысл и вариативность разума.....5
Л.Т. Рыскельдиева. Осознание, осмысление и непереводаемость.....18
Т.А. Шиян. К проблеме описания смысловых структур
и смысловой деятельности в формальной математике и логике.....26
А.А. Шиян. Смысл как предметная целостность: феноменологический подход.....33
В.К. Солондаев, И.В. Иванова. Естественная установка сознания:
схема универсальности и схема переживания.....40
Р.В. Псху. Еще один субъект? Логико-грамматические основания
вишишта-адвайта-веданты.....47
А.В. Парибок. Сверхкраткие тезисы о языковых аспектах
теории цивилизационно-специфичной рациональности.....54

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

- О.В. Артемьева.* Когнитивный статус моральных суждений.....62
О.В. Попова. Анималистический поворот в философии и биоэтике
и кантианская линия в защите прав животных.....78
Е.И. Коростиченко, Я.И. Климов. Социальное измерение нового атеизма.....96

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

- К.В. Ворожжихина.* Философия жизни в советской России:
творчество Е.К. Герцык.....115

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- М.М. Федорова.* О парадоксах времени истории.....127
Пётр Фомы (ОМБ). Вопросы о типах дистинкций. <Вопрос 7>
(перевод с латинского языка, предисловие и комментарии В.Л. Иванова).....144

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Pirmin Stekeler-Weithofer.* Nature, spirit, and their logic.
Hegel's *Encyclopaedia* of the theoretical sciences as universal semantics.....165
Rocco Porcheddu. Taking 'end' seriously. Some remarks on the relation
between Kant's concept of an end and the end in itself.....176
В.В. Селивёрстов. «Существующая золотая гора» как главная проблема
теории Майнонга.....191

TABLE OF CONTENTS

ACADEMIC DISCUSSIONS

Sense-turn and typology of reason

<i>Andrey V. Smirnov</i> . Sense positing and plurality of reason.....	5
<i>Lora T. Ryskeldiyeva</i> . Consciousness, <i>smysl</i> and untranslatability.....	18
<i>Taras A. Shiyani</i> . On the problem of describing semantic structures and semantic activity in formal mathematics and logic.....	26
<i>Anna A. Shiyani</i> . Sense as an objective integrity: a phenomenological approach.....	33
<i>Vladimir K. Solondaev, Inna V. Ivanova</i> . Natural attitude of consciousness: the scheme of universality and the scheme of experience.....	40
<i>Ruzana V. Pskhu</i> . One more logical subject? Logical and grammatical foundations in <i>viśiṣṭādvaita</i>	47
<i>Andrei V. Paribok</i> . Super-concise theses on the linguistic aspects of the theory of civilization-specific rationality.....	54

MORALS, POLITICS, SOCIETY

<i>Olga V. Artemyeva</i> . The cognitive status of moral judgements.....	62
<i>Olga V. Popova</i> . The animalistic turn in philosophy and bioethics and the Kantian line in the protection of animal rights.....	78
<i>Ekaterina I. Korostichenko, Yaroslav I. Klimov</i> . The social dimension of the new atheism.....	96

RUSSIA: THE SENSES OF HISTORY

<i>Ksenia V. Vorozhikhina</i> . Philosophy of life in Soviet Russia: the works of Evgeniya Gertsyk.....	115
--	-----

HISTORY AND THEORY OF CULTURE

<i>Mariya M. Fedorova</i> . On the paradoxes of the time of history.....	127
<i>Peter Thomae (OFM)</i> . Questions on the modes of distinctions. <Question 7> (translated from Latin with notes and Foreword by Vitaly. L. Ivanov).....	144

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Pirmin Stekeler-Weithofer</i> . Nature, spirit, and their logic. Hegel's <i>Encyclopaedia</i> of the theoretical sciences as universal semantics.....	165
<i>Rocco Porcheddu</i> . Taking 'end' seriously. Some remarks on the relation between Kant's concept of an end and the end in itself.....	176
<i>Vladimir V. Seliverstov</i> . 'Existent Golden Mountain' as main problem of Meinong's theory.....	191

ДИСКУССИИ

СМЫСЛОВОЙ ПОВОРОТ И ТИПОЛОГИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

1–5 декабря 2022 г. в г. Нальчик состоялась конференция «Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии», к ее открытию была выпущена книга с одноименным названием. Задача конференции заключалась в том, чтобы обозначить путь исследования сознания, который по праву можно было бы назвать «смысловой поворот». Хотя европейская философия за последние десятилетия «поворачивала» едва ли не во все стороны, поворота к смыслу так и не произошло; это тем более удивительно, что способность к смыслу составляет первую и, возможно, последнюю отличительную черту человеческого сознания. Другой, тесно связанной с первой, задачей конференции было зафиксировать теоретическую позицию, обосновывающую вариативность разума, наметить контуры цивилизационной типологии рациональности и поставить вопрос об универсальности сознания поверх вариативности разума. Возможность обнаружить типологическое различие рациональности в деятельности индивидуального сознания и исследовать его методами психологии высвечивает важный практический аспект смыслового поворота. Ключевые моменты состоявшихся обсуждений представлены в статьях участников дискуссии.

А.В. Смирнов

СМЫСЛ И ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗУМА *

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; главный научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: public@avsmimov.info

* Работа подготовлена в рамках Соглашения между Минобрнауки РФ и Российским университетом дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Поставлен вопрос о том, что такое смысл как таковой, в отличие от смысла чего-то. Смысл как таковой задает абсолютную границу сознания, поскольку осознанным может быть только то, что имеет смысл, и наоборот: все, что включено в пределы смысла, тем самым осознано. Выдвинуто положение о несемантическом характере смысла: смысл как таковой не может быть понят в противопоставлении значению или в соотношении с тем, чему он приписывается. Смысл предложено понимать как целостность. Рассмотрены три ведущие оси разворачивания целостности: противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность. Разворачивание целостности в форме связности «что-и-какое» происходит как конкретизация каждой из трех осей целостности в соответствии с исходной интуицией. Вариативность такого разворачивания задает возможность вариативности чистого разума. Дан набросок типологии разума четырех больших культур человечества (европейской, арабо-мусульманской, индийской и китайской). Этот результат находит удачное соответствие в цивилизационной типологии разума, предложенной А.В. Парибокком.

Ключевые слова: сознание, вариативность чистого разума, целостность, связность, разворачивание, большая культура, типология разума

Для цитирования: Смирнов А.В. Смысл и вариативность разума // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 5–17.

Что такое смысл? Не смысл в отличие от чего-то другого, например, значения; и не смысл чего-то другого, когда смысл был бы выражен конкретным высказыванием, формулой или как-то еще – но все же выражен, пусть даже утверждением о его невыразимости. Что такое смысл как таковой? Благодаря чему мы можем говорить о смысле чего бы то ни было? Что значит «осмыслить», «придать смысл» и т.п.? Благодаря чему, наконец, можно «выразить смысл»?

Несемантическая природа смысла

Все, что мы можем почувствовать, помыслить и высказать, осмысленно и потому может быть осмыслено другим. Даже о бессмыслице нельзя не говорить осмысленно, ведь бессмысленное бормотанье или бессмысленный звук, бессмысленный вид или картинка и т.п. осмысленны как таковые, как именно звук, вид, картинка и т.д.: они в нашем сознании имеют смысл, хотя бы уже потому, что мы можем говорить о них. А значит, можем *связывать* их с чем-то другим. Ведь говорить значит связывать – а не обозначать.

Знак не выражает сущности речи и не служит ее отличительной чертой, равно как не составляет отличительной черты сознания. Самый простой способ указать на это – заметить, что знак должен иметь смысл, чтобы мы могли оперировать им¹, но не наоборот: смысл не должен быть обозначен, чтобы «стать» смыслом. Собственно, «стать» смыслом ничто не может, скорее наоборот: смысл может пред-стать как значение, когда мы пользуемся знаками в попытке «передать» смысл. Но «передать» смысл можно только тому, кто уже имеет доступ к смыслу (а значит, ни о какой передаче на самом-то деле речи не идет). Знак как таковой всегда – лишь пустой значок,

¹ Шиян Т.А. К проблеме описания смысловых структур и смысловой деятельности в формальной математике и логике // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 26–33.

ничем не отличающийся от случайного начертания или случайного бормотанья, и только если этот значок используется, чтобы «передать смысл», он становится знаком.

Но понятно, что «передать» смысл нельзя: это не посылка и не эстафетная палочка; смысл можно лишь, с большей или меньшей долей успеха, пробудить в другом сознании. Когда доступ к смыслу хотят получить с помощью бессмысленного значка, превращая его в знак, получают – значение. Значение, но не смысл. Можно сказать и так: значение – это обозначенный смысл, тем самым, в силу обозначенности, уже смыслом быть переставший, утративший свою смысловую природу и представший как некое вот-значение. Значение всегда может быть предъявлено; но не смысл. Со смыслом нельзя совершить никакой операции, нельзя сделать его объектом приложения сил, объектом некоего действия, потому что тогда смысл перестанет быть смыслом.

Зафиксируем первое положение: *смысл имеет несемантическую природу.*

Смысл как абсолютная граница сознания

Смысл ускользает, но не потому, что отсутствует; напротив, без смысла все распалось бы, превратившись в хаос бессмыслицы; даже и не в хаос, поскольку хаос сохраняет следы осмысленности (мы ведь говорим о нем), а в бездну, которая поглощает без остатка. Смысл ускользает потому, что его нельзя «схватить», предъявить, сделать предметом. Поэтому, боюсь, феноменологический проект смешивает смысл и предмет нашего внимания, смысл и конкретное содержание сознания². Феноменология ведет нас не к смыслу, а опять – к значению.

О смысле нельзя говорить так, как мы говорим обо всем остальном: все остальное должно быть осмысленным, чтобы пред-стать в нашем сознании; но не смысл: он не нуждается в том, чтобы он был осмыслен, и не может быть осмыслен. Все что угодно может и даже должно «иметь смысл», чтобы стать осознанным. Но смысл не должен иметь что-то, не должен быть обособован чем-то. И смысл не может быть осмыслен, как змея не может проглотить саму себя.

Смысл – предельная категория, за которую мы не можем заглянуть. Смысл задает абсолютную границу нашего сознания.

Таково второе положение: *смысл абсолютен, или, что то же самое, смысл задает абсолютную границу нашего сознания.*

Смысл имеет неалгоритмическую природу

Сознание и есть способность осмыслить, а способность осмыслить – и есть сознание. Другие существа, помимо человека, вероятно, сознательны постольку и именно в том отношении, в каком способны осмысливать и, следовательно, имеют какой-то доступ к связности. Эту способность можно имитировать постольку, поскольку ее можно объяснить, а значит, и машина

² Шиян А.А. Смысл как предметная целостность: феноменологический подход // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 33–39.

может «сделать вид», будто обладает сознанием, если научить ее воспроизводить человеческие действия и реакции. Более того, это в определенной степени уже реализовано. Но подражание и воспроизведение способности осмысливать никогда не станут самой этой способностью, как нарисованная абсолютная граница никогда не будет самой абсолютной границей.

Тест Тьюринга в его многочисленных вариантах проверяет способность машины подражать человеческому поведению, прежде всего речевому³, заменяя коренной вопрос о природе сознания и смысла вопросом о возможности подражать человеческому сознанию и воспроизводить его плоды. Второе совсем не обязательно будет ответом на первое: подражать можно «по-своему», идя своим путем; колесная техника не копирует способности передвижения животных, что не снижает ее эффективности; самолет или вертолет используют те же законы аэродинамики, что крыло птицы, но действуют существенно иначе. Если определяющей для природы человеческого сознания является способность осмысливать, т.е. иметь доступ к смыслу как предельной границе, доступ к смыслу как абсолютной связности, то и отвечать на вопрос «может ли машина мыслить?» (тест Тьюринга не предназначен для ответа на этот вопрос) надо соответствующим образом, проверяя ее способность к связности (а не к имитации результатов чужой способности к связности). Впрочем, это не предмет данной статьи. Для нас важно, что уже созданы алгоритмы, умеющие распознавать результаты работы алгоритмов, имитирующих работу человеческого сознания⁴. Это значит, что можно формально отличить подлинную работу сознания от ее машинной имитации и воспроизведения ее результатов. Значит, имеются принципиальные отличия в работе естественного сознания, не позволяющие спутать его с машинной имитацией, построенной на алгоритмах.

Итак, третье положение: *смысл имеет неалгоритмическую природу*. Это значит, во-первых, что сам смысл не является алгоритмом: если говорить, что сознание – это «машина смысла» (или «мыслящая машина» и т.п.), что вся деятельность сознания – это вычисление⁵, то это будет плохой метафорой, поскольку вычисления совершаются по алгоритмам, а смысл и осмысленность не таковы. Смысл полагаем (как вариант связности «что-и-какое»; подробнее об этом см. ниже), а не выстраиваем алгоритмически. Алгоритмически можно пытаться работать со значением, задавая определения понятий, правила вывода и т.п.; но не со смыслом. Значит, смысл – не алгоритм, и смысл не может быть выстроен с помощью алгоритма и вообще с помощью цепочки шагов с некоего «начала»; «алфавиты», «периодические таблицы», «матрицы» смысла и т.п. метафоры неудачны в той же степени и по той же причине, что и «машина смысла» или «машина осмысленности». И во-вторых, смысл нельзя имитировать работой машины, как нельзя ходьбой или бегом животного имитировать полет птицы. Так называемая «трудная проблема сознания»⁶ – только краешек этой невозможности, и дело тут

³ См., напр.: Copeland J. The Turing Test // *Minds and Machines*. 2000. Vol. 10. P. 519–539.

⁴ 1 февраля 2023 г. опубликовано сообщение о том, что «компания OpenAI, разработчик нейросети ChatGPT, объявила о запуске классификатора, способного распознавать текст, написанный человеком на основе сгенерированного ИИ материала» (URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/02/01/961339-razrabotchik-chatgpt>).

⁵ См., напр.: Михайлов И.Ф. *Натуральные вычисления и искусственный интеллект* // *Человек*. 2022. Т. 33. № 2. С. 65–83.

⁶ См.: Васильев В.В. *Трудная проблема сознания*. М., 2009.

вовсе не ограничивается квалиа. Смысл и значение не появятся из вычислений, если не заложены туда изначально либо привнесены извне: таков самый простой способ указать на несводимость смысла к вычислению, которое само должно быть осмысленным, чтобы стать вычислением (очевидность *re-titio principii*).

Целостность. Противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность

Возьмем самый простой пример родо-видовой целостности: род и два вида, например, «субстанция» и «смертная-бессмертная». Почему это именно целостность, а не просто отношение, структура или тому подобные привычные обозначения?

1. Род и два его вида даны сразу и целиком. Невозможно представить что-то одно без всего остального; называя или мысля что-то одно, мы тем самым мыслим и называем и все прочее. Нельзя, иначе говоря, *устранить* что-то одно, оставив прочее; и нельзя *начать* с чего-то одного, лишь затем перейдя ко всему прочему. Нет, здесь не так. Род и два его вида – нередуцируемая и исходная, изначально целостность; целостность как начало.

Значит, идея *простого начала* неверна. Начало не может быть простым: начало целостно. Если с целостности не начать, ее нельзя привести на следующих шагах, ее нельзя выстроить из элементов. Простое можно получить как редукцию целостности, но не наоборот.

2. Целостность, не будучи чем-то простым, является тем самым чем-то сложным. Сложным – но не сложенным из чего-то исходного или первичного. Сложность целостности следует отличать от сложности конструкции. Поэтому целостность – не структура, не конструкция и не что-то еще, сложенное из исходных элементов и отдельных частей.

В силу этого же целостность – не целое и тем более не свойство целого. Целое сложено из частей, тогда как целостность не сложена из чего бы то ни было, она исключает последовательное наращивание. Целое может утратить какую-то часть или какие-то части, оставаясь при этом целым, и только после некоего порогового значения перестает им быть. Например, дом с утраченной одной черепицы не перестает быть домом как целым; даже утрата крыши в результате урагана еще не разрушает дом. Мы говорим, что дом как целое утрачен, если его нельзя восстановить после частичных разрушений; и так с любым целым. Но целостность либо имеется вся целиком, либо отсутствует вся целиком; она не приемлет частичности.

3. Смертное и бессмертное противоположны друг другу и связаны взаимным отрицанием. Но вместе с тем само это противопоставление возможно только и исключительно потому, что служит внутренним делением субстанции. Только потому, что противоположности объединены тем, что снимает их противопоставление, они могут отрицать друг друга. Такого типа противопоставление внутри объединения – целостность, оно служит ее разворачиванием. Поэтому противопоставление-и-объединение будем писать через дефис, подчеркивая его целостностный (укорененный в целостности) характер.

4. Смертное и бессмертное – множество, тогда как субстанция – их единство. Сколько бы мы ни представили «носителей» смертности и бессмертия, они не перестанут быть едины как субстанция. Различаемые

и умножаемые как носители смертности и бессмертия, они все неразличимы и едины как субстанция. Единство-и-множественность – другое именование целостности и возможны только как целостность.

Таким образом, противоположение-и-объединение и единство-и-множественность – первые развертки целостности.

5. Смертность противоположна бессмертию: субстанция не может быть сразу и смертной, и бессмертной. Откуда нам это известно? Конечно, не из опыта, по очевидным основаниям. Мы знаем это именно и исключительно потому, что таковы свойства целостности. Мы представляем род и два вида пространственно, как некий ограниченный объем (или ограниченную фигуру на плоскости), поделенный на две части (по числу видов; их может быть сколь угодно много). Такая пространственная визуализация делает для нас очевидным, что нельзя одновременно находиться в обеих частях этого пространства; точно так же очевидно, что любая единичная субстанция непременно окажется в одном, и при этом – только в одном из отделений этого пространства (ей просто «некуда деваться» – так устроена целостность, визуализированная пространственно). Законы тождества, противоречия и исключенного третьего вытекают именно и исключительно из свойств целостности – в той ее пространственной развертке (как противоположение-и-объединение и единство-и-множественность), которую мы представляем как «естественную» визуализацию простейшей родо-видовой целостности. Конечно, ничего естественного в смысле «природного» или «обусловленного строением мозга» здесь нет; это естественно в том смысле, что привычка к такой визуализации привита нам той большой культурой, в которой мы социализировались. Это естественность культурная, а не природная.

Мы не говорили ни о чем, что требовало бы обращения к «внешнему миру». Сказанное определено исключительно свойствами целостности, которые априорны и задают принципиальный способ функционирования нашего сознания.

6. Внутреннее деление субстанции может сколь угодно усложняться, но оно никогда не пересечет внешних границ, заданных субстанциальностью. Сказать «Пётр – субстанция», «Пётр – смертная субстанция», «Пётр – смертная разумная субстанция» – значит сказать одно и то же. Но вместе с тем – и не одно и то же, поскольку эти три высказывания последовательно разворачивают исходную целостность. Следовательно, разворачивание целостности, ее усложнение не создает инаковости: наши три высказывания неинаковы в отношении друг друга, как неинаков Петр в отношении самого себя. Сказанное *иначе* оказывается *тем же*. Эта возможность *то же иначе* задана и обеспечена целостностью. Осуществление возможности *то же иначе* и есть разворачивание целостности.

Можно сказать и так: целостность возможна только как *то же иначе*. По-другому и не может быть, коль скоро целостность, будучи сложной, исключает сложность и наращивание, исключает инаковость, полагая и предполагая бесконечную возможность различения. Различенность без инаковости возможна только и именно как *то же иначе*. И если целостность – императив нашего сознания, то то же самое относится к *то же иначе*.

7. Сколько бы мы ни делили субстанцию, как бы ни наращивали ее внутреннюю сложность, мы никогда не получим единичного носителя предикатов («первой субстанции» Аристотеля). Точно так же нельзя получить точку

делением отрезка: делимый до бесконечности, отрезок всегда останется отрезком и не превратится в точку. Непрерывность и ее разрыв, континуальность-и-дискретность – вот с чем мы имеем дело. Единичное, разрывающее непрерывность, возможно только благодаря этой непрерывности: точка невозможна, если нет линии, и не случайно обнаруживает себя там, где пересекаются две линии. Непрерывность и ее прерывание невозможны отдельно друг от друга, но несводимы одна к другой. Мир и субъектность невозможны друг без друга, но они несводимы друг к другу. Вывести одно из другого невозможно, их можно взять только как целостность. Тогда оказывается, что известная дилемма «что первично?..», получившая название основного вопроса философии, ложна: материальное и идеальное, мир и субъектность, непрерывность внешнего материального, объективного и точечность субъектности, разрывающей эту непрерывность и не встраивающейся в нее, – целостность, а не два полюса, связанные причинным отношением (и не две параллельные субстанции).

Вещь как связность «что-и-какое»

Если целостность (т.е. смысл) – абсолютная граница нашего сознания, мы не можем нарушить ее ни в каком смысле. Самое простое и очевидное: мы не можем выйти за ее пределы, не можем попасть в бессмыслицу, поскольку абсолютную границу можно только раздвинуть (целостность разворачивается бесконечно), но не пересечь. Но и другое, не столь очевидное, однако не менее императивное: абсолютную границу нельзя нарушить и в том смысле, что никогда и ни в чем нельзя быть свободным от нее. Куда бы мы ни двигались, как бы ни разворачивали целостность, она остается с нами во всем, что составляет содержание нашего сознания.

Вещь: то, на что направлено наше сознание. Мы никогда не воспринимаем чистые качества, и проблема квалиа заводит нас на ложный путь:любое качество всегда имеет своего носителя, и сознание, как оно исследовано в европейской философии, не может действовать иначе. Значит, вопрос не в том, как нам узнать, «что такое красное» (вопрос поставлен неверно, и у «красного» попросту нет «что»). Вопрос в том, как узнать, что такое «красный шар» или «шар – красный». Иначе говоря, как нам узнать, как возможна связность качества и его носителя, благодаря которой возможны оба: ни квалиа, ни их носители не мыслимы и не возможны иначе, нежели как *связность*⁷. Вещь всегда – «что-и-какое», где эти две стороны нерасторжимы, но и неслиянны. Значит, проблема сознания не в том, чтобы выяснить, как возможно «красное» и что оно такое; проблема сознания в том, чтобы выяснить, как возможна связность любого «что-и-какое»: только это позволит прояснить как природу того, что мы называем квалиа, так и природу их носителей, равно как природу высказывания, приписывающего носителю качества его качество.

⁷ Витгенштейн фактически говорит об этом, когда утверждает, что «пятну в поле зрения не обязательно быть красным, но оно должно иметь какой-то цвет – оно включено, так сказать, в цветовое пространство», и точно так же нота непременно имеет какую-то высоту, объект осязания – некую твердость (*Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 6 (2.0131)*). «Факты» и представляют собой систему связностей «что-и-какое».

Вещь как связность «что-и-какое» всегда погружена в целостность, поскольку любое «какое» принадлежит целостности, разворачивающейся как противоположение-и-объединение. Значит, полагать связность «что-и-какое» наше сознание может, если оно способно *полагать субъектность на целостности*: если оно способно, во-первых, полагать красноту субстанции как дихотомически противоположенную ее не-красноте в общих для этих двух пределов цвета и, во-вторых, полагать субъекта-носителя красноты. Метафизика субстанции служит развитием и философской рационализацией этой способности полагания связности «что-и-какое» при определенном понимании целостности, которое в данном случае опирается на пространственную интуицию. Субстанциальность сознания не в том, что оно следует субстанциальной метафизике (оно может оказаться субстанциальным, даже если человек никогда не слышал о какой-либо метафизике, и оно уже было субстанциальным до того, как была изобретена метафизика субстанции), а в том, что оно следует определенной процедуре полагания вещи как связности «что-и-какое» на основе пространственной интуиции целостности.

Множественность логик смысла и вариативность разума

Пространственная интуиция – не единственная, к которой способно наше сознание и опираясь на которую оно может разворачивать целостность. Интуиция протекания, на основе которой арабо-мусульманской большой культурой развит процессуальный вариант рациональности⁸, задает целиком другое прочтение тех же базовых осей разворачивания целостности: противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность. Как минимум еще две интуиции предстоит обнаружить как обосновывающие те варианты разума, что лежат в основании южноазиатской (индийской) и дальневосточной (китайской) больших культур.

Сознание принципиально свободно в выборе исходной интуиции полагания целостности. Это положение нуждается в двух оговорках. Во-первых, выбор предполагает осознанность вариантов, а значит, отказ от догматической веры в универсальность того варианта, что развит европейской большой культурой, и экспликацию других вариантов рациональности. Во-вторых, выбор предполагает свободу и равное отношение к вариантам, между которыми предстоит выбирать. Между тем любая большая культура, в которой социализируется человек, прививает ему почти неистребимую привычку применять «по умолчанию» тот вариант рациональности, на котором эта большая культура построена, и выводит прочие варианты из области сознательного выбора. Это как родной язык, который обычно «заслоняет» от нас языки выученные, неизменно выходя на первый план и оттесняя прочие, так что нужны специальные усилия, чтобы избавиться от этого давления приоритетного языка.

Однако никакое сознание не может быть свободно от того или иного варианта полагания целостности и, далее, полагания субъектности на этой целостности, благодаря чему наше сознание способно к полаганию «что-и-

⁸ Подробнее см.: Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М., 2021.

какое». Быть свободным от этого не может никакое человеческое сознание, взятое в том виде, в каком мы его знаем: как сознание человека, социализировавшегося в той или иной большой культуре и благодаря ее практикам усвоившего такие процедуры как нечто само собой разумеющееся и применяемое как будто автоматически, без того, чтобы задумываться об этом. Другой вопрос – можно ли благодаря специальным приемам до какой-то степени устранить влияние этого императива нашего сознания (полагание субъектности на целостности) и привести сознание в некое иное, нежели известное нам по обыденному опыту, состояние? Мистические, аскетические и иные подобные практики, вероятно, дают возможность сделать это; вряд ли, однако, они могут вывести сознание за его абсолютную границу – за границу смысла как целостности.

Если я освоил езду на велосипеде, доведя ее навыки до автоматизма, это не значит, что я одновременно не способен водить автомобиль или управлять самолетом. Сознание носителя европейской большой культуры, натренированное в субстанциальной логике полагания смысла как целостности на основе пространственной интуиции и вещи как связности «что-и-какое», погруженной в такую целостность, не утрачивает способности к другим логикам смысла. Они вытесняются европейской большой культурой на периферию сознания, но не могут быть устранены вовсе, поскольку человеческое сознание не может утратить способности к полаганию целостности. Работы В.К. Солондаева и его коллег⁹ экспериментально удостоверяют это: носители нормативной субстанциальной логики не теряют способности мыслить с применением процессуальной логики, а выбор в пользу той или иной у разных групп варьируется в зависимости от различных условий. Если удастся расширить список логик смысла, привлекаемых к таким исследованиям, это даст новые результаты.

Это первое: нормативность одной логики смысла в той или иной большой культуре не исключает восприимчивости ее носителей к любым другим логикам смысла. И второе: основываясь на сказанном, мы имеем возможность дать предварительный чертеж вариативности логик смысла и, соответственно, их разворачивания как вариантов разума. Смыслополагание – категория более широкая, чем разум, и вариативность логик смысла определяет вариативность разума, но не наоборот.

Как и А.В. Парибок¹⁰, я полагаю, что мы можем говорить о сформировавшихся и проявивших себя в истории человечества на протяжении последних трех тысяч лет четырех логиках смысла и, соответственно, о четырех больших культурах: европейской, арабо-мусульманской, южноазиатской (индийской) и дальневосточной (китайской)¹¹. Любая из логик смысла

⁹ См., напр.: Солондаев В.К., Иванова Н.В. Естественная установка сознания: схема универсальности и схема переживания // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 40–46; Солондаев В.К. Процессуальная логика в практике помощи детям: анализ случая // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2022. Т. 15. № 4. С. 43–53.

¹⁰ Парибок А.В. Сверхкраткие тезисы о языковых аспектах теории цивилизационно-специфичной рациональности // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 54–61.

¹¹ Эти названия – чистая условность, поскольку ни география, ни этничность ничего не говорят о способах полагания смысла. Нельзя признать удачным и именование логик смысла по типу метафизики, порождаемой ими, которым я пользуюсь в настоящее время, говоря о субстанциальной и процессуальной логиках смысла. Адекватным было бы

задается той исходной интуицией, которая определяет способ полагания трех базовых разверток целостности: противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность. Понимание этих категорий, равно как понимание способа задания связности «что-и-какое», будет определяться исходной интуицией.

Профессиональные логики, считающие свою науку универсальной, исходят из того, что символическое исчисление, основанное на введении знаков, способно выразить любые значения¹², следовательно, в силу своего строгого характера символическая логика более универсальна, чем то, что я называю «логика смысла». Эта позиция разделяется многими. Конечно, было бы очень удобно, если бы в нашем распоряжении оказалось универсальное средство, позволяющее вводить символическое обозначение чего угодно, ранее не обозначавшегося, и строго работать с полученными знаковыми системами. Но ведь обозначить можно только то, что уже понято; знак обозначает то, что уже имеет смысл, причем определенный (а не какой угодно) смысл. Что толку, скажем, заменить связку «есть» в высказывании «S есть P» каким-то значком, если мы не понимаем, как связка действует и *что она значит*¹³? ведь слишком легковесны объяснения вроде того, что связка «просто связывает» субъект и предикат или «просто показывает», что предикат приписан субъекту. Вопрос ведь в том, откуда мы знаем, что два рядом стоящих слова не «просто» стоят рядом, а *связаны* в высказывание или в субъект-предикатную конструкцию. Разве кроме логики смысла предложена другая теория, разъясняющая, что такое связочная функция? Допустим, что мы имеем дело с разными типами языков, где связочная функция осуществляется принципиально различным образом, как в русском (и других европейских) и в арабском. Разве введение знаков поможет понять это? И разве оно ответит на вопрос: стоит ли за этим различием языков различие способности суждения? Кант считал ее инвариантной; но если она вариативна, разве можно это установить с помощью введения знаков? Или же (скорее) наоборот: релевантные знаки могут быть введены только после того, как мы это установим и проясним во всех деталях? Значит, надо поступить обратным образом: сперва понять, а потом уже обозначить. Следовательно, логика смысла открывает символической логике новые горизонты и составляет основание для использования знаков, а никак не наоборот.

Это первое. И второе: введение знаков не является однозначной процедурой. Поскольку любой знак должен иметь смысл, а смысл можно иметь в различных системах смыслополагания, а значит, иметь его по-разному, то и знаки вводятся существенно различными процедурами. Не уверен, что это учитывает современная логика, хотя на это ясно указал основатель учения

называть логики смысла по той интуиции, что лежит в их основании, как пространственная – в основании субстанциальной и интуиция протекания – в основании процессуальной логики. Выработать такие устойчивые и вместе с тем удобные наименования – дело будущего.

¹² Карпенко А.С. Логика символическая // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6896> (дата обращения: 20.11.2022); Шалак В.И. Об истоках множественности логик // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 88–97.

¹³ Если сказать, к примеру, что «шар есть красный» означает, что существует хотя бы один объект сферической формы, принадлежащий множеству «красного», вопрос останется, поскольку нужно будет объяснить, что значит «принадлежать множеству» и «существовать». Переформулировка проблемы не служит ее решением.

о знаках. Описав ставшую теперь уже привычной процедуру задания значения (то, что сейчас называют «семантический треугольник»), он добавил: «Однако не стоит пренебрегать другими примерами: первое есть действующий, второе – претерпевающий, а третье – действие, которым первое влияет на второе; между началом как первым и концом как последним происходит процесс, который ведет от первого к последнему»¹⁴. Пирс удивительно прозорливо угадал ту парадигму, которую можно считать определяющей для процессуальной логики смысла, лежащей в основании арабо-мусульманской большой культуры. Угадал, но не разработал это направление. Только тогда введение и использование знаков станет осмысленным и, следовательно, управляемым, когда будет поставлено в контекст смыслополагания.

Список литературы

- Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 5–73.
- Карпенко А.С.* Логика символическая // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6896> (дата обращения: 20.11.2022).
- Михайлов И.Ф.* Натуральные вычисления и искусственный интеллект // *Человек.* 2022. Т. 33. № 2. С. 65–83.
- Парибок А.В.* Сверхкраткие тезисы о языковых аспектах теории цивилизационно-специфичной рациональности // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 54–61.
- Пирс Ч.С.* Принципы философии. Т. II / Пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 313 с.
- Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 445 с.
- Солондаев В.К.* Процессуальная логика в практике помощи детям: анализ случая // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2022. Т. 15. № 4. С. 43–53.
- Солондаев В.К., Иванова Н.В.* Естественная установка сознания: схема универсальности и схема переживания // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 40–46.
- Шалак В.И.* Об истоках множественности логик // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2022. Т. 15. № 4. С. 88–97.
- Шиян А.А.* Смысл как предметная целостность: феноменологический подход // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 33–39.
- Шиян Т.А.* К проблеме описания смысловых структур и смысловой деятельности в формальной математике и логике // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 26–32.
- Copeland J.* The Turing Test // *Minds and Machines.* 2000. Vol. 10. P. 519–539.

¹⁴ *Пирс Ч.С.* Принципы философии. Т. II. СПб., 2001. С. 64.

Sense positing and plurality of reason*

Andrey V. Smirnov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharynaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; “Purushottama” Centre for Indian culture and philosophy studies, RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: public@avsmirnov.info

The article addresses the following question: what is sense (*smysl*) as such, not to be confused with the sense of something. The sense as such sets the absolute limit for human consciousness, since we can be conscious only of that which makes sense, and, vice versa, what makes sense is part of our consciousness. Sense is devoid of semiotic nature, for sense as such cannot be conceptualized as something opposed to meaning or related otherwise to it or to anything denoted. Sense is a *tselostnost'* (integrity). Three basic axes for sense development are discussed, that is, opposition-and-integration, unity-and-multiplicity, continuity-and-discreteness. The development of *tselostnost'* (integrity) as the “what-and-such” *svyaznost'* (linkage and coherence) may vary depending on the initial intuition of *tselostnost'*, laying down the basis for variations in pure reason. The author delineates a contour of the four types of pure reason developed by the four big cultures (European, Arab-Muslim, Indian and Chinese). This typology finds a sound parallel in the civilizational typology of reason proposed by A.V. Paribok.

Keywords: consciousness, variability of pure reason, *tselostnost'* (integrity), *svyaznost'* (linkage and coherence), development, big culture, typology of reason

For citation: Smirnov, A.V. “Smysl i variativnost' razuma” [Sense positing and plurality of reason], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 5–17. (In Russian)

References

- Copeland, J. “The Turing Test”, *Minds and Machines*, 2000, Vol. 10, pp. 519–539.
- Karpenko, A.S. “Logika simbolicheskaya” [Symbolic logic], *Gumanitarnyi portal* [<https://gtmarket.ru/concepts/6896>, accessed on 18.11.2022]. (In Russian)
- Mikhaylov, I.F. “Naturalniye vovichisleniya i iskusstvenniy intellekt” [Natural Computations and Artificial Intelligence], *Chelovek*, 2022, Vol. 33, No. 2, pp. 65–83. (In Russian)
- Paribok, A.V. “Sverhkratkie tezisy o yazykovykh aspektakh teorii zivlizacionno-spezificheskoi razionalnosti” [Super-concise theses of the theory of civilization-specific rationality], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 54–61. (In Russian)
- Peirce, Ch.S. *Printsipy filosofii* [Principles of Philosophy], Vol. II, trans. by V.V. Kiryushchenko and M.V. Kolopotin. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2001. 313 pp. (In Russian)
- Shalack, V.I. “Ob istokakh mnozhestvennosti logik” [On the origins of logical pluralism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 88–97. (In Russian)
- Shiyan, A.A. “Smysl kak predmetnaya tselostnost': fenomenologicheskii podkhod” [Sense as an objective integrity: a phenomenological approach], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 33–39. (In Russian)
- Shiyan, T.A. “K probleme opisaniya smyslovykh struktur i smyslovoi deyatel'nosti v formal'noi matematike i logike” [On the problem of describing semantic structures and

* The article was prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation and the RUDN University No. 075-15-2021-603: “Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions”. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

- semantic activity in formal mathematics and logic], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 26–32. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglazheniye k razmyshleniyu* [Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (an Invitation to Discussion)]. Moscow: YaSK Publ., 2021. 445 pp. (In Russian)
- Solondaev, V.K. “Protssessual’naya logika v praktike pomoshchi detyam: analiz sluchaya” [Process logic in the practice of pediatrics care: a case study], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 43–53. (In Russian)
- Solondaev, V.K. & Ivanova, I.V. “Estestvennaya ustanovka soznaniya: skhema universal’nosti i skhema perezhivaniya” [Natural attitude of consciousness: the scheme of universality and the scheme of experience], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 40–46. (In Russian)
- Vasilyev, V.V. *Trudnaya problema soznaniya* [Hard problem of consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2009. 272 pp. (In Russian)
- Wittgenstein, L. “Logiko-filosofski traktat” [Tractatus Logico-Philosophicus], in: L. Wittgenstein, *Filosofskiye raboti* [Philosophical Works], Part I, trans. by M.S. Kozlova and Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 5–73. (In Russian)

Л.Т. Рыскельдиева

ОСОЗНАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ И НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ

Рыскельдиева Лора Турарбековна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры истории и теории государства и права. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Вернадского, д. 4; e-mail: ryskeldieval@gmail.com

Неангажированная метафизика сознания позволяет утверждать, что сознание – не предмет, а фундаментальная проблема современной философии, для решения которой история европейской философии имеет значение. Для Декарта сознание есть *Cogito*, персонализация субстанции умом, действующим в многообразии когитальных, осознаваемых актов. Для Канта субстанция есть способ мыслить единство опыта, *cogito* есть не вещь, а трансцендентальное условие образования понятий в процессе категориального синтеза. Возрождающаяся феноменология и аналитическая философия сознания в XXI в. нацелены на изучение сознания соответственно в трансцендентально-теоретической и прагматически-натуралистической установках. Продолжая кантианскую линию рассуждений, можно видеть процессуальность сознания в актах осознания как усвоения или получения *data* (автор статьи обращает внимание на то, что термин «осознание» трудно адекватно перевести на английский язык). Для полноты проблематики философии сознания необходимо учитывать еще один вид сознательной деятельности – осмысление. В статье отмечается, что русский термин «осмысление» не имеет точного аналога в английском языке в качестве основного языка аналитической философии сознания, сама же деятельность осмысления рассматривается автором как противоположно направленная по отношению к осознанию, что делает неизбежным обращение к идее Целостности (А.В. Смирнов) и может изменить подход к возможности создания «сильного» искусственного интеллекта.

Ключевые слова: сознание, смысл, значение, *Cogito*, Я

Для цитирования: Рыскельдиева Л.Т. Осознание, осмысление и непереводаемость // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 18–25.

Я исхожу из уже выдвинутого А.В. Смирновым тезиса о том, что логико-смысловой подход необходимо выводит нас к самому началу философии – к проблеме сознания, а также к самым истокам этой проблемы. Другими словами, эта проблема для философии *первоначальна*. Я собираюсь показать:

- (1) как я понимаю эту первоначальность,
- (2) как проблема сознания связана с проблемой смысла,

- (3) какие трудности проблема смысла инициирует в сферу с условным названием «искусственный интеллект» (ИИ).

Начну с вопроса о том, имею ли я право рассуждать об этой проблеме и кто может иметь сомнения в ценности моих рассуждений. Полагаю, что возразить может, прежде всего, представитель аналитической философии сознания, имеющий теоретическую связь с эмпирическими исследованиями и способный квалифицированно оперировать данными нейронауки, когнитивистики, психологии, лингвистики и других наук, нацеленных на исследование сознания. Эта англоязычная по абсолютному преимуществу философия (Philosophy of Mind) похвально близка к науке вообще, и поэтому философы-аналитики способны показать, в чем специфика философского исследования сознания и зачем в исследовании сознания нужна именно философия: она способна соединять подходы разных наук и задавать вопросы, искать и формулировать проблемы, стимулировать новые направления исследований. Практическая цель очевидна – такая философия тесно связана с разработками в области ИИ, где малейшая толика творчества быстро форматируется, превращается в креативность и мгновенно находит свое техническое воплощение, получая фондовую поддержку.

Кроме того, обоснованные возражения выскажет любой практикующий методически проверенную традиционную технику работы с сознанием – т.е. йогин и прежде всего буддийского толка. Основания для его возражений будут не менее валидными, чем у аналитических философов, так как он тоже имеет дело с прочным эмпирическим фундаментом: если европейская наука и техника нацелены на изучение и преобразование внешнего мира, то йогическая наука и техника нацелены на изучение и преобразование мира внутреннего (мысль об удивительной симметрии индийской йоги и европейской науки высказана Д. Зильберманом¹). Практическая цель такой науки и техники сейчас тоже очевидна, так как потребность современного человека в качестве индивида в умении самостоятельно изучать, анализировать и трансформировать свою психику возрастает пропорционально нарастанию массовидности его коммуникации.

Однако полагаю, эти возражения будут ангажированными. Аналитическая философия сознания, сохраняя, по мнению исследователей, в целом натуралистическую установку², ангажирована экспериментальными данными, целями и задачами европейской науки и в конечном счете техникой. Любые медитативные йогические практики ангажированы и ограничены традицией – в широком смысле особыми идейными установками и набором приемов, передаваемых по учительской линии. Тогда каким может быть незаинтересованное исследование сознания?

Оно может быть только метафизикой сознания, в области которой профессиональных запретов нет, а требование одно – быть «в своем уме» и иметь возможность заниматься кабинетной философией, о ценности которой для исследования сознания убедительно сказано В.В. Васильевым³.

Метафизический вопрос здесь будет таким: что есть сознание? Как историк философии могу ответить, что сознание – это не «что», не предмет

¹ Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. М., 1998.

² Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 44. № 2. С. 5–19.

³ Васильев В.В. Послесловие к панельной дискуссии о кабинетной философии // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 53–59.

и не вещь, а фундаментальная проблема европейской философии, и история этой проблемы способна помочь ее решению. А именно. Европейская философия всегда была внимательна к сознанию, и движущей силой, энергией переворотов и революционных изменений в западной философской культуре можно считать сдвиги именно в метафизике сознания. Особенности современного варианта этой метафизики определили два основных моих тезиса:

1. Сознание сейчас надо рассматривать в действенном/деятельностном контексте. Это неизбежно на фоне нынешнего поворота философии к практике или прагматике.
2. Деятельность сознания в качестве *осознания* надо сопоставлять с деятельностью смысла, т.е. с *осмыслением*. А это неизбежно на фоне нашего внимания к языку. Раскрою эти тезисы.

Если Античности ни термин, ни проблема сознания неведомы, то для европейской философии эта проблема вполне традиционна: новоевропейская метафизика берет начало в Декартовом «Я мыслю» как основании утверждать реальность мира. Термин *conscientia* Картезий употребляет на удивление редко, в среднем один-два раза в одном сочинении, но при этом основным и ставшим специфически картезианским термином является знаменитое *Cogito* и его производные, имеющие значения, связанные с «мыслить» – когитальный, когитации и проч. Как эти значения связаны с *conscientia*?

Перечисляя так называемые «когитальные акты» – акты интеллекта, воли, воображения и чувства, – Декарт говорит о том, что они могут быть либо пассивными – восприятиями, либо активными – сознанием: «...*adeoque actus cogitativi, ut intelligere, velle, imaginari, sentire, omnes sub ratione communi cogitationis, sive perceptionis sive conscientiae conveniunt, atque substantiam, cui insunt, dicimus esse rem Cogitantem*» – пишет Декарт в «Размышлениях о первой философии. Возражение VII»⁴. Здесь – картезианское объединение когитальных актов интеллекта, воли, воображения и чувства (*intelligere, velle, imaginary, sentire*) в субстанциальном подчинении мышлению (*Res Cogitans*): «будь то восприятие или сознание». Кто их осуществляет?

Если мы так поставим вопрос, то разрушим контекст, созданный Декартом-ученым, который предается изучению своего внутреннего мира, который, в свою очередь, дан ему в очевидности, непосредственно во внутреннем опыте как опыте Я. Единство этого опыта не подлежит сомнению – Я мыслящий существую на самом деле, это фундаментальная презумпция картезианства, и она состоит в том, что активная деятельность Я, доступная мне для изучения, и есть деятельность сознания, т.е. *Cogito*.

Такому субстанциалистскому картезианскому оптимизму в отношении существования активного мыслящего Я нанес смертельный удар трансцендентализм И. Канта, в рамках которого *Cogito* перестало существовать и, на самом деле, как вещь, и даже как явление. Если для Декарта Я – мост между мышлением и протяжением, когда «я мыслящий» и «я протяженный» есть единство, то со времен Канта *Cogito* стало трансцендентальным условием

⁴ *Descartes R. Meditationes de prima philosophia. Amstelodami, 1670. Appendix. P. 112. Рус. пер.: «...таким образом, мыслительные акты – такие как умопостижение, желание, воображение, чувство, – все подпадают под общую категорию мышления, или восприятия, или сознания; субстанцию же, коей они присущи, мы именуем мыслящей вещью» (Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 374).*

осуществления категориального синтеза, обеспечивающим переход от чувственности/созерцаний к рассудку/понятиям, или трансцендентальным единством апперцепций – такой добавкой ко всему, что происходит в моем внутреннем мире, в уме (*in mente*), благодаря которой он един и целостен, а я – «в своем уме» и все, что я в нем обнаруживаю, гарантируется мне с очевидностью именно «моего» мира.

В начале XX в. Гуссерль в своей трансцендентальной феноменологии сделал удивительную и смелую попытку реконструкции именно декартовского *Cogito*, но уже в посткантианских условиях. В этом ему помогла экспансия новорожденной для XX в. науки психологии и необходимость противостоять этой экспансии на пути «выпаривания» чистых Ego-структур из серий актов сознания: получения *сущностей из процессов*, усмотрения *вещей из действий*. Феноменологическая реконструкция трансцендентального Ego оказалась увлекательной и плодотворной, но закончилась так называемым поздним Гуссерлем, а надежды на возрождение трансцендентализма начали оживать только в наши дни.

Сегодня особый стимул для исследования когитальных процессов дает пресловутый проект создания «сильного» ИИ – компьютера, способного осуществлять все, что происходит в человеческом уме. «Мыслить-как-человек» – значит иметь не только центр принятия *решений*, но и постановки *проблем*, не только выполнять команды, но и самообучаться, не только обрабатывать данные, но и осознавать их, мыслить «от первого лица». У аналитической философии, работающей в этой области, большой проблемный потенциал, но, несмотря ни на что, она сохраняет начальную картезианскую установку и понимает сознание как существенную добавку к мышлению или существенное усложнение программы до появления чего-то, чего еще не было. О какой добавке идет речь?

Осознание – это деятельность присвоения

Она обнаруживается непосредственно в процессе человеческого мышления, а в языке – глагольными образованиями. В русском языке есть глагол «осознавать» – от «сознание», и по-английски его значение нельзя прямо передать глаголом, образованным от *conscious* (возможно, *to aware*, но здесь другая этимология). Каково значение этого глагола?

Мы говорим «мне надо это осознать», когда получаем новые данные, когда надо впустить в себя результат какого-то опыта или, как сейчас принято говорить, информацию и сделать ее своей, т.е. придать значение. I, My, Me, Mine – этот ряд местоимений служит для обозначения результатов такого присвоения, превращения «информации» или *data* в «знание». Универсальность такого присвоения, как «делание моим», европейская философия распространяет и на то, что, казалось бы, не может быть моим – на Другого, его давно и «по умолчанию» принято воспринимать как *Alter Ego*: это либо обратная сторона меня, либо еще один такой же, как я. В любом случае Ego-Я – это основа и восприятия, и понимания Другого – другого меня! Очевидно, что при таком взгляде по-настоящему другой Другой никогда не может быть постигнут, и именно этот вполне понятный и простой процесс присвоения составляет основу европейского психологического эгоизма (*egotism*) и социокультурного индивидуализма.

Осознанию противостоит осмысление. Непереводаемость

Таким образом, осознание как освоение есть человеческий способ мышления, разумная деятельность *Homo sapiens*. Но что делаю я, в данный момент рассуждающий об этой деятельности? Как осознать сознание?

Мы можем назвать эту деятельность рефлексией, тем, что принято называть мышлением о мышлении или метафизикой. Чем она может быть вызвана? Аристотель бы сказал, что ничем, так как чистая *θεωρία* должна быть результатом «незаинтересованного» и автономного созерцания сущности. Пусть так, но какого рода данные при этом осознаются и получаем ли мы вообще информацию при таком не предметном мышлении? Очевидно, что нет. Тогда что при этом делает наш ум?

Наряду с глаголом «осознавать» в русском языке есть еще один глагол, тут уже совершенно не переводимый на англо-программистский язык, это глагол, образованный от существительного *smysl*, – «осмыслять». Слово «смысл» родом из хорошо известной европейской философии пары «meaning – sense», и анализ взаимоотношений в этой паре составляет особый сюжет в развитии современной европейской философии.

Подход к смыслу со стороны аналитической философии со времени Г. Фреге имеет номиналистические корни и делает упор на работу со значениями, с предметной сферой, а работу со смыслом понимает как работу с соотношением предмета и мысли о нем. Не чужда этой философии и прагматическая постановка вопроса в духе «making the Sense» – она говорит о формировании умения конструировать целое из частей, о вполне конвенциональной процедуре приобретения навыка соотносить целое и его части и так совершенствовать мастерство/компетенцию понимать текст.

Герменевтическая философия растворила смысл в языке, сделав из языка стихию, заменила языком традиционное для философии Бытие, а вся культура, философская в том числе, при этом превратилась в текст. Результатом стала сильная филологизация философии и тезис о том, что философию можно редуцировать к литературоведению.

Однако если уходить от сложившихся дихотомий и искать *другую философию*, стараться сохранить специфику именно философской рефлексии, устранять саму возможность редукционизма, надо выделить две основные особенности работы нашего ума со смыслом.

Во-первых, смысл всегда указывает на границу, предел того, о чем идет речь, или того, о чем мы мыслим, в этом отношении он всегда маргинален – имеется в виду предел не только языковых выражений и текста, но и жизни, культуры, мира. В этом отношении тезис о том, что *осмысление есть соотношение с целостностью*, вполне понятен. Понятно и то, что в процессе осмысления не происходит освоение-усвоение (апроприация), здесь главное – удержаться на краю и продолжать мыслить. Мыслящий в таких условиях – не лирический герой в стиле «*Fool on the Hill*» McCartney и не аффективная личность в транс, а именно мыслитель, в силу призвания продолжающий мыслить и там, где обычному человеку это уже не под силу. Именно поэтому М.К. Мамардашвили называл философское мышление «сумасшествванием с толком», а философа «шпионом неизвестной родины», имея в виду его способность быть чужим среди своих, быть и не быть в своем мире одновременно.

Потому что, во-вторых, такое «мышление на краю» показывает предположения и предрассудки моих суждений, их культурные основания, показывает мне в моем мышлении, что помыслено именно мной и никем другим, а что мной усвоено из мира и культуры, т.е. от Другого, из глубоких недр ККБ – «коллективного когнитивного бессознательного» (А.В. Смирнов). В условиях постоянного ускользания сознания от схватывания это весьма трудное мероприятие, которое А.М. Пятигорский называл «борьбой с сознанием», он говорил, что «это безумно трудно, но возможно». Субъект, осуществляющий такую борьбу, тоже находится, так сказать, на краю.

Русскому термину «осмысление» крайне сложно найти подходящий эквивалент в европейских языках, так как «осмысление» – не просто наделение значением, не только его соотнесение с культурой и ценностями и участие в коммуникации, не только целеполагание. «Мне надо это осмыслить», – мы говорим в сложной ситуации, когда что-то не укладывается в картину мира, когда надо сделать, выражаясь по-русски, смысложизненный, важный выбор, принять морально значимое, серьезное решение. Такое осмысление есть соотнесение со смыслом как с уже знакомой нам Целостностью. Это действие может вовсе не иметь Его-эффекта, а иметь обратный эффект в виде метанойи, перемены ума, всего хода мысли: Я может осознать, что что-то, что Я считал моим, вовсе мне не принадлежит, что не все в мире мое и что есть сила или инстанция выше меня, а у мира есть и вертикальное измерение. Другими словами, осмыслить в данном случае – не значит что-то узнать, приобрести или освоить.

Если *осознание* как определение «этого» в качестве «моего» можно назвать аналитической процедурой, то *осмысление* как соотнесение всего моего с целостностью – процедура герменевтическая. Если верить данным нейрокультурологии, то аналитический характер восприятия ситуации свойственен в большей степени европейцам, а холистическое восприятие – азиатам⁵. Тогда понятна преграда на пути создания «сильного» ИИ, ведь весь проект ИИ фундирован в европейской аналитической установке. А это значит, что трудности перевода слова «смысл» и само наличие непереводаемостей имеют большое значение.

Первое. Непереводаемость русского «смысла» – это большой «взнос» в копилку доводов *против* ориентализма и оксидентализма и *за* фундаментальный принцип открытости герменевтики культуры, в пользу смирновского принципа «*то же иначе*», требующего открытости по отношению к инаковости Другого, а не просто к Alter Ego. Парадоксально, но именно непереводаемости дают позитивный эффект и способствуют взаимопониманию людей разных культур и логик смыслообразования.

Второе. Трудности перевода, в данном случае на английский как язык проблем ИИ, помогают глубже понять эти проблемы. Я, например, действительно, не понимаю, как возможно программирование, кодирование процесса осмысления, т.е. соотнесения с целостностью (*Smysl*)? Значит ли это, что программированию не подлежит только «русский разум»? Очевидно, что нет. Если каждая культура с развитой рефлексией и саморефлексией способна найти в своем языке целый ряд «непереводаемостей», то что делать с этими непереводаемостями, когда и если программирование дойдет до этих проблем?

⁵ Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Комплементарность культурспецифичных типов познания (окончание) // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2010. № 3. С. 18–35.

Список литературы

- Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Комплементарность культурспецифичных типов познания (окончание) // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2010. № 3. С. 18–35.
- Васильев В.В. Послесловие к панельной дискуссии о кабинетной философии // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 53–59.
- Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 44. № 2. С. 5–19.
- Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Сост. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 633 с.
- Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 447 с.
- Descartes R. Meditationes de prima philosophia. Amstelodami: Apud Danielem Elzevirium, 1670.

Consciousness, *smysl* and untranslatability

Lora T. Ryskeldiyeva

Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Prospect, Symferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: ryskeldieva@gmail.com

An unbiased metaphysics of consciousness allows us to put forward a thesis that consciousness is not an object, but a fundamental problem of modern philosophy and different solutions of this problem define the history of European philosophy. For Descartes, consciousness is *Cogito*, the personalization of substance by the mind acting in a variety of *cogital*, conscious acts. Kant, for whom substance is a mode of thinking the unity of experience, *Cogito* is not a thing (*Res*), but a transcendental condition for the formation of notions in the process of categorical synthesis. The resurgent phenomenology and analytical philosophy of consciousness in the 21st century aim at studying consciousness, respectively, in the transcendental-theoretical and pragmatic-naturalistic settings. Continuing the Kantian line of thinking, one can see the processuality of consciousness as *data acquisition process*, but the verb formed from a noun “consciousness” (for this processuality) is difficult to adequately translate into English. To achieve completeness in identifying the problem area of the philosophy of consciousness, it is necessary to take into account one more type of conscious activity referred to as “osoznanie” in Russian (“awareness”, “coming into consciousness about something”). The Russian verb formed from the noun *Smysl* cannot be adequately translated into English as the main language of the analytical philosophy of consciousness and this term can mean the opposite of *data acquisition process* and can refer us to the idea of Integrity (A.V. Smirnov). Once the most important, meaningful and existential activity of the mind is identified as the denotation of this term, the problem of *Smysl* acquires the potential of changing the perspective on the possibility of creating a “strong” AI.

Keywords: Consciousness, Ego, Cogito, meaning, sense

For citation: Ryskeldiyeva, L.T. “Osoznanie, osmyslenie i neperevodimost” [Consciousness, *smysl* and untranslatability], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 18–25. (In Russian)

References

- Aleksandrov, Yu.I. & Aleksandrova, N.L. “Komplementarnost’ kul’turspetsifichnykh tipov poznaniya (okonchanie)” [Complementarity of culture-specific types of cognition (the end)], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 14: Psikhologiya*, 2010, No. 3, pp. 18–35. (In Russian)
- Descartes, R. *Meditationes de prima philosophia*. Amstelodami: Apud Danielelem Elzevirium, 1670.
- Descartes, R. *Sochineniya* [Collected works], Vol. 2, ed. by V.V. Sokolov. Moscow: Mysl’ Publ., 633 pp. (In Russian)
- Gasparov, I.G. & Levin, S.M. “Sovremennaya analiticheskaya filosofiya soznaniya” [Contemporary analytic Philosophy of Mind: Challenges and Solutions], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2015, Vol. 44, No. 2, pp. 5–19. (In Russian)
- Vasilyev, V.V. “Posleslovie k panel’noi diskussii o kabinetnoi filosofii” [Afterword to the panel Discussion on Armchair Philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, Vol. 56, No. 2, pp. 53–59. (In Russian)
- Zilberman, D.B. *Genezis znacheniya v filosofii induizma* [The Genesis of Meaning in the Philosophy of Hinduism]. Moscow: URSS Publ., 1998. 447 pp. (In Russian)

Т.А. Шиян

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР И СМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМАЛЬНОЙ МАТЕМАТИКЕ И ЛОГИКЕ

Шиян Тарас Александрович – кандидат философских наук. Фонд «Центр гуманитарных исследований». Российская Федерация, 125315, г. Москва, ул. Часовая, д. 9/7; e-mail: taras_a_shiyan@mail.ru

В тексте рассматривается невозможность отвлечения от смысла формальных построений в логико-математических исследованиях. Правомочность применения «формальной методологии» допускается только в рамках принятия некоторой системы условных обозначений и конвенций. Задаваемый такими договоренностями контекст автор называет формальным. Соотнесение построений и результатов, полученных формальными методами в рамках нескольких таких контекстов, невозможно без учета различных смысловых аспектов соотносимых формальных конструкций. Такие соотнесения автор называет интерконтекстуальными. В тексте разбирается два примера интерконтекстуальных сравнений, демонстрирующих необходимость обращения к разным смысловым компонентам сравниваемых формальных конструкций. В контексте этих выводов автор ставит вопрос о структуре и происхождении смысла используемых в формальных построениях «символов» и создаваемых из них «последовательностей символов». Автор видит три основных источника смысловой нагрузки, несомой формальными конструкциями. Во-первых, это различные сферы семиотического узуса: в первую очередь, общекультурные и общепрофессиональные семиотические навыки «интерпретатора». Во-вторых, это смысл, придаваемый формальным построениям словесными комментариями, описаниями процесса построения и связанными с этим знаниями «интерпретатора». В-третьих, это смыслы, задаваемые самими формальными построениями: на стадии определения формального языка и на стадии построения формальной дедуктивной или семантической системы. Автор также рассматривает ошибочность предположения о существовании некоторой универсальной «глобальной интуиции», связываемой с самой возможностью формальной методологии.

Ключевые слова: логика, математика, формальное построение, формальная методология в логике и математике, формальный контекст, интерконтекстуальное сравнение, смысл

Для цитирования: Шиян Т.А. К проблеме описания смысловых структур и смысловой деятельности в формальной математике и логике // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 26–32.

1. Слово «смысл» – многозначно. Но в контексте логики и философии я выделил бы два основных понимания слова «смысл». В узком понимании «смысл» – термин, обозначающий один из трех аспектов знаковых явлений, схематизируемых «семантическим треугольником», или «треугольником Фреге». Его синонимами являются термины «смысловое значение», «означаемое», «десигнат». Именно так слово «смысл» обычно используют логики. Такое словоупотребление и словопонимание, к сожалению, закрывает собой другое, широкое и, на мой взгляд, основное для русского языка понимание слова «смысл».

2. В предельно широком понимании «смысл» близок «пониманию», «осмыслению», «осознанию». Можно сказать, что слово «осмысление» скорее указывает на порождение нового смысла, а слово «понимание» – на постижение как бы уже имеющегося. Слово же «осознание» указывает на процесс переживания смысла. «Смысл» – это некоторая объективация (возможно, даже гипостазирование) того, что создает возможность осознания, понимания, осмысления.

3. Смысл – это порождение нашего сознания, в «объективном» мире как «мире самом по себе» нет смысла, смыслом мир наделяет человек. Уже восприятие есть продуктивная смысловая деятельность. Само сознание – чистая смысловая деятельность, хотя, вероятно, и стимулируемая некоторым внешним аффицированием. В свете такого понимания не только «десигнат» знака является смыслом. Смысловой деятельностью (не важно, по выявлению, производству или приписыванию смысла) являются и понимание синтаксической структуры языкового выражения, и выделение частей сложных знаковых конструкций и отдельных знаков, и «узнавание» знаков, понимание значков как разных знаков или же как разных реализаций одного знака. При такой трактовке смыслов и их роли в «мире» человека у меня возникает желание прояснить, как устроено наше понимание логико-математической символики, как, с точки зрения обращения к смыслам, осуществляется логико-математическая работа и т.п.

4. Прежде, чем перейти к обсуждению этой темы, я хочу немного прояснить и расширить контекст, придав своему анализу дополнительные измерения. Современным логикам нередко приходится подчеркивать ошибочность встречающегося взгляда на логику (далее – то же самое, что формальную логику) как на нечто «бессодержательное». Такой взгляд иногда порождался механическим следованием оппозиции «форма – содержание»: если логика изучает «формы» (не важно, «формы» чего), значит, она полностью отвлекается от «содержания». Формальная логика, действительно, на всем протяжении своей истории базируется на абстракции «логической формы» (хотя сам термин появился относительно недавно и не является общеупотребительным). Но поскольку логических форм бесконечно много (даже типов логических форм много), то указание, что нечто имеет именно такую, а не иную логическую форму, несет вполне определенную позитивную информацию. Кроме того, само осознание, что нечто имеет именно такую форму, является видом осмысления, надления смыслом. Но и сами «логические формы» имеют определенную внутреннюю структуру, которая задает часть передаваемого формой содержания, смысла. При этом в отношении «логических форм» имеется принципиальное различие в работе традиционной логики и математизированной, символической логики. Это различие близко оппозициям «*a posteriori* – *a priori*», «индуктивный –

дедуктивный» и т.п. В традиционной логике логическая форма выделялась из конкретно-языковой формы анализируемого языкового выражения путем отвлечения от части содержания (интерпретируемого как нелогическое) составляющих его слов или более сложных выражений. Это происходило заменой некоторых слов или выражений либо буквами (метод Аристотеля), либо субстантивированными порядковыми числительными (метод стоиков). В любом случае часть слов исходного анализируемого выражения оставалась нетронутой (или сведенной к синонимичной канонической формулировке), и их смысл участвовал в формировании смысла итоговой логической формы. Иначе происходит в символической логике. Здесь из некоторых исходных графических примитивов (графем, значков, символов), считающихся лишенными смысла (но однозначно различимых друг от друга), на основании условно принимаемых соглашений конструируются объекты, которые (при принятии этих соглашений) понимаются как логические формы. То есть здесь происходит отрыв «логических форм» от того, формами чего они являются. Становится возможным, как в игре, свободное манипулирование этими априорными «логическими формами» и любая (формально допустимая) их интерпретация. Именно здесь может возникать иллюзия бессодержательности, пустоты логических формализмов. Один из путей опровержения такого взгляда – описание механизмов конструирования смыслов априорных, формальных конструкций.

5. Второй дополнительный аспект связан с рефлексией математики (частью которой методологически является современная символическая логика) над собственными основаниями. В XX в. сформировалось много течений, по-разному трактующих природу математического знания в целом и математических символизмов в частности. Для интуициониста Я. Брауэра смысловая природа математики (с поправкой на различие в терминологии) была одним из исходных пунктов методологических размышлений. Иных взглядов придерживался Д. Гильберт – лидер другого течения, получившего название формализма. Гильберт считал, что строгое математическое вычисление должно ограничиваться формальными манипуляциями с конечными символическими объектами. В первую очередь именно этот путь привел к развитию и принятию формальной методологии в логике и математике. Парадокс заключается в том, что развитие идей Брауэра привело к формулированию логики (названной первоначально интуиционистской), которая оказалась тождественна логике, вытекающей из сверхформальных идей А.А. Маркова-мл. и его последователей (так называемый математический конструктивизм). Это усилило значение формальной методологии, согласно требованиям которой при рассуждениях «во внимание должны приниматься *только* вид и порядок символов, к последовательностям которых применяются правила вывода»¹. При этом вслед за Гильбертом предполагалось существование некоей «глобальной интуиции», «нужной для умения решить, совпадают ли два рассматриваемых символа или нет»².

6. В силу того, что формальные построения основаны на условных обозначениях и соглашениях, применение формальной методологии правомочно только в контексте принятия именно такой, а не иной системы условных обозначений и договоренностей. Такой контекст можно назвать *формальным*.

¹ Френкель А.А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966. С. 319.

² Там же.

Таким образом логический и математический дискурсы разбиваются на множество альтернативных, потенциально несогласованных между собой формальных контекстов. Поскольку научная деятельность сообщества логиков или математиков не исчерпывается одной статьей на всех и на все времена, то ключевой рабочей задачей является соотнесение между собой формализмов и полученных для них результатов из разных формальных контекстов. Такое соотнесение можно назвать *интерконтекстуальным*. В общем случае при интерконтекстуальном сравнении формальная методология неприменима, и необходимо обращаться к различным смысловым аспектам сравниваемых формализмов, к информации описывающих эти формализмы текстов, к различным прагматическим аспектам как своей деятельности, так и деятельности авторов этих текстов. Для иллюстрации приведу один пример. Пусть \wp – некоторое множество «пропозициональных переменных». Тогда любые две формулировки классической логики высказываний в алфавитах $\langle \wp; \neg, \wedge \rangle$ и $\langle \wp; \neg, \& \rangle$ формально не будут иметь ни одной общей теоремы (о том, что « \wedge » и « $\&$ » именно разные знаки, а не варианты одной графемы, говорит их разное происхождение, наличие у них разных названий и сфер применения). Хотя логически они, безусловно, тождественны. Но эту тождественность мы устанавливаем из общего смысла задающих их текстов, из заявленного намерения использовать графемы « \wedge » и « $\&$ » для передачи классической конъюнкции и т.д. Можно привести большое число случаев из практики, указывающих не только на необходимость при интерконтекстуальных сравнениях обращаться к смыслу сравниваемых формализмов, но и на то, что при этом приходится учитывать разные компоненты смыслов, а иногда и собственные намерения и цели³.

7. Проблемы возникают и с обнаружением и применением «глобальной интуиции». Во-первых, скрытые за этим термином семиотические навыки имеют как культурные, так и личные особенности. Они формируются в процессе социализации человека, в данном случае в ходе освоения различных семиотических систем своей и других культур. Например, трактовка графемы «п» как строчной кириллической «пэ» или строчной латинской «эн» зависит от наличия соответствующего культурного навыка (владения соответствующей системой письма) и контекста использования графемы. Так что говорить о наличии «глобального», в смысле универсального, единого для всех семиотического навыка не приходится. Во-вторых, даже в рамках использования единого навыка при интерконтекстуальных сравнениях иногда приходится различать употребления одной и той же графемы в разных формальных контекстах как разные графемы. Приведу пример из собственной практики сравнительного исследования формальных силлогистик. Автору встречались в литературе как минимум

³ См.: Шиян Т.А. О некоторых проблемах интерпретации логико-математической символики // Дбѡа / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 10: Стратегії інтерпретації тексту: методи і межі їх застосування. Одеса, 2006. С. 223–230; *Он же*. О фактических ограничениях формальной методологии // Философия математики: актуальные проблемы. Материалы Международной научной конференции (15–16 июня 2007 г., Москва). М., 2007. С. 134–136; *Он же*. О некоторых ограничениях формально-математической методологии // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. 2008. № 7/08. С. 307–318; *Он же*. О фиктивности формальной логико-математической методологии // Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание. Сборник тезисов Девятнадцатых Таврических философских чтений «Анахарсис». М., 2022. С. 158–163.

три разных способа формальной передачи общеутвердительных высказываний: «SaP» (1), «ASP» (2), «AaB» (3), причем разные авторы использовали соответствующие «языки» при формулировке одних и тех же формальных силлогистических теорий. Исходя из логической тождественности этих построений, мы должны: во-первых, «а» из формул 1 и 3 отождествить между собой и с «А» из формулы 2 (как знак общеутвердительной силлогистической связи); во-вторых, внутри формулы 3 различить «а» и «А»; в-третьих, «А» из формулы 2 (общеутвердительная связка) отличить от «А» из формулы 3 (общий термин). В этом последнем случае нам приходится различить то, что является идентичным с точки зрения любой семиотической «интуиции», относящейся только к форме знаков: «А» в 2 и «А» в 3 – это одна и та же графема, передающая прописную букву «а» латинского алфавита.

8. Используемые в логике и математике семиотические навыки различения/отождествления в одном формальном контексте графем «только по их форме» происходят из аналогичных общекультурных (1) и общепрофессиональных (2) навыков, модифицируемых дополнительно принимаемыми в данном формальном контексте условными соглашениями (3). К первым, например, относится навык различения строчного и прописного варианта одной и той же буквы латинского и греческого алфавитов. Ко вторым (обычно все-таки оговариваемым) – считать сочетания типа « x_{13} », «*sin*» и т.п. простыми знаками, графемами. К третьим, например, – прямо, курсивно или полужирно выделенный знак считать разными графемами, или, аналогично, передачу одной и той же буквы разными шрифтами различать в качестве разных графем. Но при интерконтекстуальных сравнениях, как показано выше, этого комплекса семиотических навыков и условных договоренностей оказывается недостаточно и приходится учитывать связываемый с графемами смысл.

9. Смысл «символов» (графем) и последовательностей «символов» в формальных построениях задается как минимум тремя разными путями, в рамках каждого из которых также имеются разные источники смысла. Во-первых, это упоминавшиеся уже общекультурные и общепрофессиональные семиотические навыки, прежде всего вторые. Так, человек, обученный современной логике, будет понимать графемы « \wedge » и « $\&$ » как знаки конъюнкции до всякого комментария и если в комментарии явно не постулировано иное. Наличие такого предпонимания – важная составляющая профессиональной компетенции. Второй источник смысловой нагрузки формализмов – вербальный контекст, в рамках которого осуществляется формальное построение. Это может быть комментарий, сопровождающий задание формального алфавита и указывающий, например, что « $\&$ » – знак классической двухместной конъюнкции. Или основной текст статьи, книги, тезисов и т.п., рассказывающий о намерении его автора построить некую систему на основе классической логики. В придании значкам смысла участвует и все сформировавшееся персональное знание о логике (как науке), о классической логике (как системе), о соответствующих связках и т.д., относящееся к упоминающимся в тексте конструкциям⁴. Третий уровень – собственно формальное построение, задающее «формальный» смысл соответствующих формальных конструкций. Здесь нужно различить «синтаксический» смысл,

⁴ В указанных выше работах Т.А. Шияна рассматриваются примеры учета именно этих частей смысла.

задаваемый определением соответствующего формального языка, и «дедуктивный» смысл, задаваемый соответствующей дедуктивной или формально-семантической конструкцией. В конкретном построении, например, в некоторой билогической системе могут присутствовать оба знака « \wedge » и « $\&$ », передавая разные конъюнкции: классическую и неклассическую. Соответственно, оба значка будут иметь частично совпадающую содержательную интерпретацию (например, как «знаков конъюнкции») и, скорее всего (в зависимости от некоторых дополнительных моментов), идентичный формальный «синтаксический» смысл, но будут различаться на уровне формального «дедуктивного» смысла.

10. Таким образом, формальные построения символической логики и математики вовсе не «обесмысленные закорючки», как заявляют некоторые недобросовестные критики современной логики, и не «сугубо материальные объекты», как утверждают некоторые увлекающиеся адепты логики. От смысла используемых значков невозможно (да и не нужно) отвлечься полностью, он используется на всех стадиях формальных построений. Представление о чисто формальных построениях и манипуляциях, как всякая игра, допустимо только в конкретном контексте принятия условных правил этой игры. Формальные исследования необходимы как инструмент установления формальных взаимосвязей и как система защиты от произвольного домысливания необоснованных выводов. Но собственно логическая и математическая работа происходит вне одного формального контекста, и в ней отвлечение от смысла используемых условных обозначений невозможно.

Список литературы

- Шиян Т.А. О некоторых проблемах интерпретации логико-математической символики // *Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології*. Вип. 10: Стратегії інтерпретації тексту: методи і межі їх застосування. Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечнікова, 2006. С. 223–230.
- Шиян Т.А. О фактических ограничениях формальной методологии // *Философия математики: актуальные проблемы. Материалы Международной научной конференции (15–16 июня 2007 г., Москва) / Под ред. В.А. Шапошникова*. М.: Изд. Савин С.А., 2007. С. 134–136.
- Шиян Т.А. О некоторых ограничениях формально-математической методологии // *Вестник РГГУ. Сер.: Философия*. 2008. № 7/08. С. 307–318.
- Шиян Т.А. О фиктивности формальной логико-математической методологии // *Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание. Сборник тезисов Десятнадцатых Таврических философских чтений «Анахарсис»*. М.: РГГУ, 2022. С. 158–163.
- Френкель А.А., Бар-Хиллел И. *Основания теории множеств / Пер. с англ. Ю.А. Гастева*. М.: Мир, 1966. 554 с.

On the problem of describing semantic structures and semantic activity in formal mathematics and logic

Taras A. Shiyani

Foundation for Humanities. 9/7 Chasovaya Str., Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail: taras_a_shiyani@mail.ru

The text considers the impossibility of abstracting away from the sense of formal constructions in logical and mathematical researches. The validity of the application of

the “formal methodology” is allowed only after some system of conventional notations and agreements has been accepted. The context determined by such agreements is called formal. A correlation of constructions and results obtained by formal methods within several formal contexts is impossible without a consideration of the various semantic aspects of the correlated formal constructions. The author calls such correlations *intercontextual*. The paper examines two examples of such intercontextual comparisons to demonstrate the necessity of taking into account different semantic components of the compared formal constructions. In the context of these conclusions, the author raises the question of the structure and origin of some senses of the “symbols” used in formal constructions and of the “sequences of symbols” constructed from them. The author identifies three main sources of the semantic load carried by formal constructions. Firstly, these are the various aspects of semiotic usage: first of all, the general cultural and general professional semiotic skills of the “interpreter”. Secondly, it is the sense given to formal constructions by verbal comments, descriptions of the construction process and the associated knowledge of the “interpreter”. Thirdly, these are the senses set by the formal constructions themselves: at the stage of defining a formal language and at the stage of constructing a formal deductive or semantic system. The author also considers the fallacy of the assumption of the existence of some universal “global intuition” associated with the very possibility of formal methodology.

Keywords: logic, mathematics, formal construction, formal methodology in logic and mathematics, formal context, intercontextual comparison, sense

For citation: Shiyan, T.A. “K probleme opisaniya smyslovykh struktur i smyslovoi deyatelnosti v formal’noi matematike i logike” [On the problem of describing semantic structures and semantic activity in formal mathematics and logic], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 26–32. (In Russian)

References

- Fraenkel, A.A. & Bar-Hillel, Y. *Osnovaniya teorii mnozhestv* [Foundations of set theory], trans. by Yu.A. Gastev. Moscow: Mir Publ., 1966. 554 pp. (In Russian)
- Shiyan, T.A. “O fakticheskikh ogranicheniyakh formal’noi metodologii” [On the actual restrictions of the formal methodology], *Filosofiya matematiki: aktual’nye problemy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (15–16 iyunya 2007 g., Moskva)* [Philosophy of Mathematics: actual problems. Materials of the International Scientific Conference (June 15–16, 2007, Moscow)], ed. by V.A. Shaposhnikov. Moscow: S.A. Savin Publ., 2007, pp. 134–136. (In Russian)
- Shiyan, T.A. “O fiktivnosti formal’noi logiko-matematicheskoi metodologii” [On the fictitiousness of formal logical-mathematical methodology], *Chelovek vo vlasti tsifry: myshlenie, znanie, soznanie. Sbornik tezisov Devyatnadsyatykh Tavricheskikh filosofskikh chtenii ‘Anakharsis’* [A Man in the power of digit: thinking, knowledge, consciousness. Collection of theses of the Nineteenth Taurian Philosophical readings ‘Anacharsis’]. Moscow: RGGU Publ., 2022, pp. 158–163. (In Russian)
- Shiyan, T.A. “O nekotorykh ogranicheniyakh formal’no-matematicheskoi metodologii” [On some restrictions of the formal mathematical methodology], *Bulletin of the Russian State University for Humanities, Series: Philosophy*, 2008, No. 7/08, pp. 307–318. (In Russian)
- Shiyan, T.A. “O nekotorykh problemakh interpretatsii logiko-matematicheskoi simvoliki” [On some problems of interpretation of logical and mathematical symbolism], *Δόξα / Doksa. Zbirnik naukovikh prats’ z filosofii ta filologii, Vip. 10: Strategii interpretatsii tekstu: metodi i mezhi ikh zastosuvannya* [Δόξα / Doksa. Collection of scientific papers on philosophy and philology, Issue 10: Text interpretation strategies: methods and limits of their application]. Odessa: Odesa I.I. Mechnikov National Univ. Publ., 2006, pp. 223–230. (In Russian)

А.А. Шиян

СМЫСЛ КАК ПРЕДМЕТНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Шиян Анна Александровна – кандидат философских наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: annasamoikina@yandex.ru

В центре внимания статьи – понятие смысла в феноменологии Гуссерля. Автор указывает на наличие разных интерпретаций «смысла» в феноменологии и подробно останавливается на той, которая созвучна теме данной панельной дискуссии. В связи с этим автор обращается к введению понятия смысла как ядра ноэмы в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». В соответствии с выбранной стратегией интерпретации, смысл – это предмет, рассмотренный в феноменологической установке, т.е. предмет с точки зрения его данности сознанию. То есть «смысл» и «предмет» содержательно означают одно и то же. С феноменологической точки зрения воспринимать предметно и означает воспринимать осмысленно. В статье выделяются особенности так понимаемого смысла, к которым относятся прежде всего целостность и соотносительность с тем содержанием, которое уже есть в сознании. Автор обращает особое внимание на то, что под смыслом как предметной целостностью могут пониматься не только материальные вещи, но и отношения, процессы, положения дел и т.п. Задачей феноменологии является их исследование и обоснование. Это исследование может осуществляться в рамках теоретико-познавательного подхода, в котором на первый план выходят выявление условий возможности смыслов как знания и определение их истинности.

Ключевые слова: смысл, предмет, феноменология, сознание, данность, целостность

Для цитирования: Шиян А.А. Смысл как предметная целостность: феноменологический подход // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 33–39.

Понятие смысла является одним из важнейших и загадочных в феноменологии Э. Гуссерля. Как многие ключевые понятия феноменологии, оно допускает множество толкований и интерпретаций. Эта множественность интерпретаций феноменологических понятий, как, впрочем, и многообразие толкований самой феноменологии, является, по мнению ученика и последова-

теля Гуссерля О. Финка¹, отличительной чертой любой большой философии, которая стимулирует развитие мысли последующих поколений. В данной статье я подробнее остановлюсь на интерпретации смысла в рамках гуссерлевской феноменологии, которая мне представляется наиболее актуальной в свете проблемы, заявленной в нашей панельной дискуссии.

Впервые Гуссерль ведет речь о «смысле», или «значении» (у Гуссерля они обычно выступают как синонимы), в «Логических исследованиях». Однако точную фиксацию своего понимания термина «смысл» Гуссерль дает в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии»² в рамках изучения трансцендентально-чистого сознания. Для этого он совершает трансцендентальные эпохэ и редукцию, в силу которых мир «заключается в скобки» и все его предметности рассматриваются уже как корреляты сознания. Гуссерль различает сам акт сознания, который называет «ноэзисом», и коррелятивное содержание этого акта, обозначая его как «ноэму». Смысл – это ядро ноэмы, которая помимо смысла (предметных характеристик) включает указание на типы полагания предмета (как существующего в действительности, в возможности, в фантазии и т.п.). В некотором приближении можно отождествить смысл и ноэму, что и делается во многих феноменологических исследованиях.

Несмотря на, казалось бы, наличие определения ноэмы и ее смысла, понятие смысла остается, на мой взгляд, все-таки оперативным, т.е. недостаточно проясненным, вследствие чего в феноменологической литературе не стихают дискуссии о статусе ноэмы и смысла. Так, в американской феноменологии второй половины XX в. разгорелся спор о том, можно ли ноэму считать предметом или нет³. Отвлекаясь от всех хитросплетений и тонкостей этих споров, отметим только, что одна группа философов (Х. Дрейфус, А. Смит, Д. Фоллесдаль и др.), сторонники так называемой интерпретации Западного побережья (США), считали, что ноэма – это посредник, с помощью которого акт направлен на предмет. Дрейфус, например, подчеркивал, что Гуссерля больше интересует не сама действительность, а анализ смысла. Феноменологическая редукция в этом случае понимается как некая форма интроспекции. Сторонники же интерпретации Восточного побережья (Р. Соколовски, Дж. Драммонд, Дж. Харт и др.) утверждали, что ноэма есть сам предмет, рассмотренный с точки зрения его данности сознанию. Исходя из этой интерпретации, предмет и ноэма считаются содержательно одним и тем же, но только рассматриваются под разными углами зрения: повседневным и феноменологическим. На феноменологическом языке ноэма есть то, как предмет интендирован в сознании. Соответственно, нельзя сказать, что гуссерлевская концепция интенциональности игнорирует действительность.

Прежде, чем занять свою позицию в этом споре и обосновать ее, хотелось бы обратить внимание на то, что для Гуссерля характерна определенная неоднозначность и отчасти взаимозаменяемость терминов «смысл» и «предмет» даже в рамках одной работы, которые тем не менее, как представляется, не являются содержательной путаницей. Это дает право пред-

¹ Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля // Ежегодник по феноменологической философии. М., 2008. С. 379–380.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М., 2009. С. 292.

³ Подробнее об этой дискуссии см.: Zahavi D. Husserls Phänomenologie. Tübingen, 2009. S. 55–72.

ставить мне свою линию интерпретации гуссерлевского смысла, не пускаясь (ввиду отсутствия места) в выяснение терминологических тонкостей. Учитывая это и солидаризируясь с интерпретацией Западного побережья, а также с позицией Д. Захави и ряда других исследователей, я считаю, что в рамках феноменологии Гуссерля смыслами можно, с определенными оговорками, назвать предметы, которые даются нам в опыте сознания. Соответственно, воспринимать мир предметно означает воспринимать мир осмысленно. Иначе говоря, то, что мы видим конкретные, определенные предметы как такие-то и такие-то, означает, что нам даны смыслы (на мой взгляд, для отличия их от смыслов знаков точнее было бы сказать «предметные смыслы»). Именно это свойство сознания Гуссерль назвал интенциональностью, направленностью на предмет, который при этом может быть трансцендентным сознанию. Причем сознание, по убеждению Гуссерля, направлено на предмет, минуя посредников в виде любого типа ментальных образов. С подобными теориями отражения Гуссерль боролся на протяжении всего творчества, начиная с «Логических исследований» и заканчивая «Кризисом европейских наук и трансцендентальной феноменологией». Восприятие предметов внешнего мира выступает в феноменологии Гуссерля в качестве особого модуса сознания, в котором предметы могут быть даны так, как они существуют в окружающей действительности. Эта возможность является потенциальной и вряд ли достижимой практически, однако даже в своей потенциальности она является сущностно важной для феноменологии, так как является одним из путей реализации девиза феноменологии «К самим вещам!».

Здесь встает закономерный вопрос: зачем нужна феноменологическая редукция, которая включает действительность «в скобки» и после осуществления которой мы рассматриваем любые предметности как корреляты сознания? Редукция и эпохэ считаются одними из основных методов феноменологии Гуссерля и нередко выступают в качестве маркеров феноменологической методологии. Однако они могут пониматься различным образом в зависимости от целей конкретного исследования. Не случайно Финк отнес эти термины к «оперативным понятиям» феноменологии Гуссерля, т.е. таким, которые недостаточно прояснены. Однако можно выявить общую черту редукции и эпохэ, которая имеется в любом их применении: фиксация предмета и предпосылок исследования. То же, что мы будем делать с этими предпосылками, определяется целью исследования. Так, в случае внешней действительности, предметности, которые мы (в качестве предпосылки) полагаем существующими, не отбрасываются, а, наоборот, фиксируются в качестве предмета изучения. «Говоря образно, все заключенное в скобки отнюдь не стерто с доски феноменологии, – оно лишь заключено в скобки, и не более того, а это значит, снабжено определенным индексом. Но, снабженное индексом, оно остается главной темой научного исследования»⁴, – пишет Гуссерль.

Особенностью так понимаемого смысла является его конкретность и целостность. Предметы в качестве смыслов даны нашему опыту сознания как некая целостность. Мы воспринимаем стол как стол, хотя непосредственно видим только его переднюю часть, мы не складываем предмет

⁴ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 226.

из суммы тактильных ощущений, ощущений цвета, запаха, звука⁵, но он предстает перед нами как некое единство – «единство смысла». Не случайно феноменология Гуссерля являлась философским основанием гештальт-психологии, исходившей из целостного восприятия предметного образа. В отношении материальных предметов целостность смысла означает единство материи и нематериального содержания. В свете этого единства нельзя сказать, что мы сначала видим предметы, а потом придаем им смыслы⁶; это происходит одновременно. Соответственно, с этой точки зрения, вопрос Г.Г. Шпета – русского ученика Гуссерля – о том, как от смысла нозмы перейти к смыслу предмета⁷, не является корректным, если речь идет об интенциональном предметном смысле, и выходит за рамки феноменологии, если речь идет о предмете как таковом, вне рамок нашего опыта.

Обращаясь к теме панельной дискуссии, хотелось бы отметить, что тот факт, что Гуссерль понимает смысл как предмет в его данности, еще не означает, что мы находимся в рамках субстанционального мышления. Несмотря на то, что Гуссерль вводит понятие смысла на примере восприятия материальной вещи, предмет в рамках его феноменологии может пониматься предельно широко. Предмет есть то, на что направлено наше внимание, и, исходя из этого понимания, в качестве предмета может выступать не только материальная вещь, но и отношения, процессы, идеальные сущности, сущностные взаимосвязи и т.п. Именно поэтому А. Метцгер – один из участников гуссерлевского «Ежегодника по феноменологической философии» – рассматривал феноменологию Гуссерля как учение о разных типах предметов⁸. Например, исследуя суждения, Гуссерль в качестве их предмета рассматривает «положения дел». Причем различает субъектно-предикатные суждения типа «S есть P», суждения о существовании и суждения с различными пропозициональными (внешними) модальностями⁹. Гуссерль также исследует идеальную предметность, например предметность математики, всеобщие сущностные отношения и т.д. Причем в его опубликованных работах каждому типу суждений посвящен, как правило, отдельный раздел, и ни о каком сведении всех суждений к субъектно-предикатной форме речи не идет. Важной чертой гуссерлевского понимания смысла является то, что акт данности смысла имеет также некоторое подразумеваемое содержание, к которому относится смысл. В первом «Логическом исследовании» Гуссерль обозначает это различие как различие акта суждения, его значения, или смысла, и предмета суждения. Например, суждения «Победитель при Йене» и «Побежденный при Ватерлоо» имеют разный смысл, но один предмет – Наполеона. В первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль при исследовании восприятия вещей вводит некий X, к которому относятся все предметные характеристики нозмы (т.е. смысла). Воспринимая яблоню (любимый пример Гуссерля) с разных позиций,

⁵ Подобная интерпретация феноменологии Гуссерля также возможна, если исходить из его схемы «гиле – морфе», но которая практически исчезает из его поздних работ.

⁶ Хотя используемый Гуссерлем термин *Sinngebung* (смыслопридание) может ввести в заблуждение, но это тема отдельной дискуссии.

⁷ *Shpet G.G.* Явление и смысл. Томск, 1996. С. 131.

⁸ *Metzger A.* Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstands // *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung.* 1925. Bd. 7. S. 613–770.

⁹ См., например: *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Hamburg, 1999. S. 325–374.

в разные моменты времени, мы понимаем, что все данности яблони принадлежат к одной и той же яблоне, и даже если мы что-то не разглядели, мы компенсируем это, вписывая соответствующие детали в общее представление о яблоне, которое у нас уже есть где-то в недрах сознания. Во избежание терминологической путаницы, связанной с гуссерлевским употреблением слов «смысл», «предмет», «значение» в разных контекстах, можно следующим образом сформулировать структурную особенность интенционального акта: интенциональный акт характеризуется данным содержанием (смыслом или значением) и подразумеваемым содержанием (в первом «Логическом исследовании» Гуссерль называет это предметом)¹⁰.

Можно сказать, что феноменологические исследования начинаются с фиксации смыслов, или предметных данностей сознанию. При этом нельзя сказать, что смыслы даются только феноменологически очищенному трансцендентальному сознанию в феноменологической установке. Смыслы являются данностью естественного сознания (и повседневного, и научного), но в естественной установке они не тематизируются как смыслы. Тематизация происходит только в феноменологической установке, исходящей из того, что существует в естественной установке. И тогда задачей феноменолога является исследование и обоснование существующих в повседневной и научной жизни смыслов. Задачей же разворачивания смыслов и вписывания их в более широкий контекст существующего за границами непосредственного опыта занимается, например, герменевтика.

Гуссерлевское исследование предметных смыслов во многом осуществляется в рамках теоретико-познавательного подхода. Тогда смыслы, с которыми мы имеем дело в естественной установке, выступают в качестве знания, которое требует своего обоснования. Следуя Канту, Гуссерль выявляет условия возможности знания и познания, т.е. условия его всеобщности и необходимости, и формулирует в шестом «Логическом исследовании» критерии истины, состоящие в соответствии данности предметов (смыслов) тому, что существует. К условиям возможности познания относятся гуссерлевские исследования формального и материального априори, а также всеобщих структур сознания. Эти выявляемые Гуссерлем условия вполне подходят для предметных смыслов любого типа, в том числе и для процессов. Что же касается критериев истины, то, не останавливаясь подробно на этой теме, важно отметить, что они вводятся Гуссерлем для достижения истины по отношению к материальным предметам (вещам) и переживаниям сознания. Но если особое внимание Гуссерля к истинности предметных смыслов, данных нам в восприятии материальных вещей, подтверждает тезис о преимущественно субстанциональном характере европейского мышления, то сосредоточенность Гуссерля на переживаниях сознания, кажется, в этот тезис не вписывается. Сознание в феноменологии рассматривается как нечто принципиально не субстанциональное, что требует совершенно иного описания, чем описание предметов действительного мира. Насколько Гуссерлю это удалось – тема дальнейших дискуссий. Сама проблема описания процесса как чего-то субстанционального и выявление условий возможности его

¹⁰ См. подробнее: Шиян А.А. Структура интенционального акта как структура опыта сознания (К прояснению понятия интенциональности в феноменологии Эдмунда Гуссерля) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 60–69.

познания особенно остро ставится в XX в., а в XXI в. уже складывается понимание, что для ее решения будет плодотворно обращение к мышлению других, неевропейских культур.

Список литературы

- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля / Пер. с нем. А.А. Шиян; ред. В.И. Молчанов // Ежегодник по феноменологической философии. М.: РГГУ, 2008. С. 361–380.
- Шиян А.А. Структура интенционального акта как структура опыта сознания (К прояснению понятия интенциональности в феноменологии Эдмунда Гуссерля) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 60–69.
- Шнем Г.Г. Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996. 192 с.
- Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1999. 478 S.
- Metzger A. Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstand // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1925. Bd. 7. S. 613–770.
- Zahavi D. Husserls Phänomenologie. Tübingen: Mohr Sirbeck, 2009. 165 S.

Sense as an objective integrity: a phenomenological approach

Anna A. Shiyan

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: annasamoikina@yandex.ru

The article focuses on the concept of sense in Husserl's phenomenology. The author points to the presence of different interpretations of "sense" in phenomenology, and dwells in detail on the one that is consonant with the theme of this panel discussion. In this regard, the author refers to the introduction of the concept of sense as the core of the noema in the first book of "Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy". In accordance with the chosen interpretation strategy sense denotes an object considered in a phenomenological attitude, that is, an object from the point of view of its givenness of consciousness. This means that the meaning and the subject meaningfully sense the same thing. From a phenomenological point of view, to perceive objectively means to perceive meaningfully. The article highlights the features of this concept of sense, which primarily include integrity and correlation with the content that already exists in consciousness. The author pays special attention to the fact that sense, as an objective integrity, can be understood not only material things, but also relationships, processes, states of affairs, etc. The task of phenomenology is to fix the sense, their justification and research. This research can be carried out within the framework of a theoretical cognitive approach, where the identification of the conditions for the possibility of sense as knowledge and the determination of their truth come to the fore.

Keywords: sense, object, phenomenology, givenness of consciousness, reality, integrity

For citation: Shiyan, A.A. "Smysl kak predmetnaya tselostnost': fenomenologicheskii podkhod" [Sense as an objective integrity: a phenomenological approach], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 33–39. (In Russian)

References

- Fink, O. "Operativnyye ponyatiya v fenomenologii Gusserlya" [Operational concepts in Husserl's phenomenology], trans. by A.A. Shiyani, ed. by V.I. Molchanov, *Yezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii* [Annual for Phenomenological Philosophy]. Moscow: RGGU Publ., 2008, pp. 361–380. (In Russian)
- Husserl, E. *Erfahrung und Urteil*. Hamburg: Meiner, 1999. 478 S.
- Husserl, E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy], Book I, trans. by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ, 2009. 489 pp. (In Russian)
- Metzger, A. "Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstand", *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*, 1925, Bd. 7, S. 613–770.
- Shiyani, A.A. "Struktura intentsional'nogo akta kak struktura opyta soznaniya (K proyasneniyu ponyatiya intentsional'nosti v fenomenologii Edmunda Gusserlya)" [The structure of the intentional act as the structure of the experience of consciousness (On the clarification of the concept of intentionality in the phenomenology of Edmund Husserl)], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific notes of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. Philosophy, Political science, Cultural studies], 2018, Vol. 4 (70), No. 2, pp. 60–69. (In Russian)
- Shpet, G.G. *Yavleniye i smysl* [Appearance and Sense]. Tomsk: Vodoley Publ., 1996. 192 pp. (In Russian)
- Zahavi, D. *Husserls Phänomenologie*. Tübingen: Mohr Sirbeck, 2009. 165 S.

В.К. Солондаев, И.В. Иванова

ЕСТЕСТВЕННАЯ УСТАНОВКА СОЗНАНИЯ: СХЕМА УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И СХЕМА ПЕРЕЖИВАНИЯ

Солондаев Владимир Константинович – кандидат психологических наук. Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова. Российская Федерация, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14; e-mail: solond@yandex.ru

Иванова Инна Викторовна – доктор медицинских наук. Ивановская государственная медицинская академия. Российская Федерация, 153012, г. Иваново, Шереметьевский пр., д. 8; e-mail: alasel@mail.ru

Логико-смысловая теория А.В. Смирнова предполагает различие двух логик: субстанциальной и процессуальной. Это различие может рассматриваться с точки зрения теории доконцептуального опыта, опирающейся на понятие схемы. А.В. Смирновым сформулирована естественная установка сознания: существование внешнего мира и «Я», их единственность, единство и постоянство. Анализ естественной установки сознания позволил авторам выделить две основные схемы: схему переживания и схему универсальности. Выделенные схемы рассматриваются на материале мысленного эксперимента – лечение внебольничной пневмонии врачами, осмысливающими свои действия в разных логиках. Показано, что каждая схема действительна в обеих логиках. Однако содержание схем изменяется. Переживание в процессуальной логике – процесс, данный сознанию непосредственно. Например, восприятие врачом проявлений болезни. Восприятие может быть эмпирически ошибочным, но его нельзя перепутать с другим процессом. Например, с припоминанием проявлений болезни, известных врачу из медицинской литературы. А в субстанциальной логике переживание – одно из свойств известного по литературным данным проявления болезни «быть чувственно воспринимаемым в данной ситуации». Субстанциально осмысленное переживание часто обозначается термином «квалиа». Схема универсальности в процессуальной логике реализуется как универсальность процесса: в зависимости от наблюдающего меняется не течение болезни, а восприятие течения. Схема универсальности в субстанциальной логике реализуется как универсальность результата наблюдения: «я вижу то же самое, что увидит другой врач». Субстанциальная схема универсальности – обобщение результатов наблюдения разных наблюдателей. Обе реализации схем могут быть эмпирически верны, но каждая реализация ограничена.

Ключевые слова: процессуальная логика (П-логика), субстанциальная логика (С-логика), психология, сознание, схема, установка, медицинская помощь

Для цитирования: Солондаев В.К., Иванова И.В. Естественная установка сознания: схема универсальности и схема переживания // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 40–46.

Логико-смысловая теория А.В. Смирнова предполагает различие двух логик: субстанциальной (далее С-логики) и процессуальной (далее П-логики). Это различие может рассматриваться с точки зрения теории доконцептуального опыта, опирающейся на понятие схемы. Как предполагает С.Ю. Бородай, «различие между С-логикой и П-логикой, вероятно, объясняется тем, что в раннем детстве в когнитивном плане начинает доминировать либо схема вместилище (“внутри-граница-снаружи”, т.е. пространственная интуиция), либо схема действие (“действитель-действие-претерпевающее”, т.е. интуиция протекания)»¹. Нет оснований спорить с тем, что описываемые схемы характеризуют различие между С-логикой и П-логикой. Только «внутреннее устройство» различия между логиками, как нам видится, значительно сложнее. Покажем это на материале мысленного эксперимента.

Мы согласны с С.Ю. Бородаем, что «схемы онтогенетически первичны по сравнению с концептуальным мышлением, т.е. относятся к тому, что обычно именуют «доконцептуальным» опытом; но при этом они могут быть актуализированы на разных уровнях сознания в режиме реального времени»². Такое понимание хорошо согласуется, например, с результатами исследования С.Ю. Коровкина, посвященного роли мыслительных схем в решении инсайтных задач³. Но в любом случае возникает вопрос выбора схем.

Ответ на этот вопрос может дать анализ естественной установки сознания: наличие внешнего мира и моего «Я», их единственность, единство и постоянство⁴.

Естественная установка сознания позволяет предположить как минимум две схемы: схему универсальности и схему переживания. Для характеристики данных схем проведем мысленный эксперимент.

Представим одного и того же пациента, которого одновременно лечат два врача. Первый врач осмысливает ситуацию в С-логике (С-врач), второй в П-логике (П-врач). Врачи не взаимодействуют друг с другом при лечении, хотя могут обсуждать случай. Лечение одного врача не влияет на лечение другого. А пациент один, поэтому эксперимент может быть только мысленным. Фокус нашего внимания будет направлен на сознание врачей.

Опишем последовательность событий с точки зрения естественной установки сознания⁵: принимая пациента, врач собрал жалобы, анамнез, провел физикальное обследование, назначил дополнительные (лабораторные, инструментальные) обследования, поставил диагноз «внебольничная пневмония» и назначил лечение; первый вариант лечения не сработал,

¹ Бородай С.Ю. Глубинная логика и проблема схематизации // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2022. Т. 15. № 4. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Коровкин С.Ю. Мыслительные схемы в инсайтном решении задач. Дис. ... д.п.н. Ярославль, 2020.

⁴ Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М., 2019. С. 9–10.

⁵ Игнатова Г.Л., Антонов В.Н., Куценко М.А. Диагностика и лечение внебольничной пневмонии. Практические рекомендации // *Русский медицинский журнал*. 2014. Т. 22. № 25. С. 1810–1815.

поэтому врач заменил первоначально назначенный препарат другим; в результате лечения пациент полностью выздоровел.

Такое описание будет понятно обоим врачам. Но оно ничего не сообщает о сознании врача. Как справедливо указывает В.В. Васильев, «человеческое поведение не может продуцироваться исключительно физическими причинами, поскольку само действие таких причин было бы невозможным без квалиа»⁶. А лечение пневмонии – далеко не простая профессиональная задача, как показывают медицинские исследования⁷. Схема вместилища и схема действия корректно описывают различия логик, но мы не смогли применить их к рассматриваемой ситуации.

С-врач решает сложную комбинаторную задачу сопоставления множеств наблюдаемых (воспринимаемых, т.е. переживаемых психически) отдельных симптомов и подбора такого их обобщения (нозологического диагноза), которое точнее других описывает все множество наблюдаемых симптомов. Врач ориентируется в трех логически разных областях – жалобы (субъективные симптомы), анамнестические данные (факты), результаты обследования (объективные симптомы). Каждый подходящий диагноз как теоретически сформулированное обобщение задан набором симптомов из всех трех областей. Сложность заключается в том, что перечень известных медицине симптомов очень велик. Поэтому позитивная диагностика – ответ на вопрос «чем болен пациент» – дополняется негативной – ответом на вопрос «чем пациент точно не болен». Сознание С-врача направлено на пациента, который локализован в мире и четко отделен от «Я» врача. Схема переживания реализуется как ответ на вопросы: Что я вижу? Какому диагнозу соответствует мое восприятие? Врач отделяет знакомые симптомы от незнакомых и не путает воспринимаемые симптомы с вспоминаемыми. Схема переживания тесно связана со схемой универсальности. С-врач осознаёт «Я» в контексте объективной картины заболевания. Активность «Я» признаётся С-врачом, но не принимается во внимание. Схема универсальности реализуется как видение в пациенте того, что есть на самом деле. С-врач видит мир как он есть. В любой другой точке мира любой другой врач увидит у этого пациента те же самые симптомы. Эмпирически такое, конечно, невозможно, но наш эксперимент – мысленный. Согласно универсальным клиническим рекомендациям, любой другой врач назначит тот же препарат выбора. Возможность иного взгляда на ситуацию для С-врача означает указание на допущенную им ошибку.

Однако врач может осмысливать ситуацию и в П-логике. Такой врач будет решать другую задачу – поиска процессов, нарушающих функционирование организма пациента. П-врач оценивает функции организма, гипотетически связанные с жалобами пациента. Это снимает сложности позитивной и негативной диагностики и соединяет в сознании врача жалобы (субъективные симптомы), анамнестические данные (факты), результаты обследования (объективные симптомы). Различие между фактами жизни пациента, субъективными и объективными симптомами не теряется. Меняется значение

⁶ Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М., 2014. С. 184.

⁷ Болотова Е.В., Шульженко Л.В., Порханов В.А. Ошибки при диагностике и лечении внебольничной пневмонии // Доктор.Ру. 2017. № 10 (139). С. 37–39; Хамитов Р.Ф. Внебольничная пневмония: немедикаментозные факторы риска летального исхода // Пульмонология. 2014. № 1. С. 23–26.

этих различий. Схема переживания реализуется как ответ на вопросы: Что я делаю? Как проявляет себя организм пациента в ответ мои действия? Врач отделяет знакомые проявления от незнакомых и не путает воспринимаемые проявления с вспоминаемыми. Схема переживания П-врача, как и у С-врача, тесно связана со схемой универсальности. П-врач видит то, на что смотрит, и осознаёт эту связь. Схема универсальности реализуется не как видение того, что есть на самом деле, а как видение того, что врач предполагает, что ищет. Видение связано с профессиональной активностью П-врача. Переживание связано с универсальностью. «Я» не растворяется в мире и не отделено от мира, а связано с миром действиями. В любой другой точке мира для любого другого врача этот пациент – не тот же самый. Врач видит то, что ищет, а ищет то, что предполагает, опираясь на свидетельства других врачей, описанные в клинических рекомендациях. Универсальна связь этих процессов. Любой другой врач увидит то, что ищет, а искать будет то, что предположит. Невозможно точно сказать, что именно предположит другой врач и какой препарат он назначит в итоге поисков.

В чем согласятся между собой С-врач и П-врач, обсуждая клинический случай? На наш взгляд, они согласятся с диагнозом. Пневмония – инфекционное воспаление легочной ткани. Такое определение в равной степени допускает субстанциальное и процессуальное понимание. Первоначально назначив один и тот же препарат, вряд ли врачи будут оспаривать выбор другого, поскольку терапия начинается и оценивается эмпирически, т.е. на основе клинического предположения и динамики клинической картины. Через 48–72 часа рекомендуется оценить результаты применения первоначально назначенного препарата. Пусть подтверждение предварительного диагноза к этому моменту получено обоими врачами, а позитивного действия препарата они, каждый в своей схематизации, не видят.

Для С-врача важна высокая эффективность препарата выбора, подтвержденная результатами доказательных исследований. И с точки зрения медицины единичный случай неудачного применения ни в коей мере не опровергает доказанной эффективности. Но как выбирать альтернативный препарат? Для С-врача решение этой задачи оказывается психологически сложным. Взаимосвязанные субстанциальные схемы универсальности и переживания заводят С-врача в тупик. Назначив препарат, который назначил бы этому больному любой другой врач в любой точке мира, С-врач не видит результата. Как такое возможно? Не ошибся ли врач? Ведь С-врач видел пневмонию как она есть. Сложность можно преодолеть разными путями. Можно принять «решение для себя» считать доказательные исследования сфабрикованными, а препарат неэффективным. Можно пересмотреть тактику лечения: перейти к использованию альтернативного препарата или повторно оценить целесообразность госпитализации пациента. Вероятно, с разными путями преодоления сложности связаны ошибки в лечении, появление разнообразной профессиональной мифологии и «проблема off-label» – использование лекарств в неутвержденных государственным регулятором дозах, формах, путях введения, при показаниях, не указанных в инструкции⁸. Но эти вопросы требуют отдельного обсуждения.

⁸ Zhou P, Wang X, Zhang X, Xu B, Tong X, Zhou W, Shen K, Zhai S. Recommendations on off-label use of intravenous azithromycin in children // International Journal of Clinical Practice. 2021. Vol. 75 (7): e14010. DOI: 10.1111/ijcp.14010.

Для П-врача результаты доказательных исследований назначенного препарата также будут важны, но отсутствие результата он воспримет психологически легче, чем С-врач, реализуя иные – процессуальные – схемы универсальности и переживания. Универсальна связь процессов: предположив пневмонию, П-врач собрал в дальнейшем необходимые подтверждения. Не собрав таких подтверждений, он отказался бы от первоначального предположения. Так повел бы себя любой врач в любой точке мира. Реализуя схему переживания, П-врач ясно отделяет то, что он предполагал, от того, что мог бы предположить, но не предположил. Стоило принять во внимание анамнестические данные, а первоначально врач не принял их во внимание. И устойчивость возбудителя к действию препарата привела к отсутствию клинического результата. Но таким путем мог направить свои размышления любой другой врач в любой точке мира. П-врач осознаёт активность (схема переживания): он ищет улучшение и внимательно оценивает течение болезни, помня, что уже не раз находил проявления действия препарата. Находил действие, которое искал. Но в конкретном случае не находит. Схемы универсальности и переживания П-врача продолжают работать, психологически подготавливая его к возникновению неожиданностей в ходе лечения. П-логика не предполагает обобщения, и в ней отсутствует возможность оценки⁹. Поэтому П-врач скорее задумается о том, как все-таки изменить в желательном направлении течение болезни, чем сочтет себя некомпетентным и погрузится в сожаления об ошибках.

Заметим, что в данной статье мы лишь предварительно обозначили рассмотренный вариант схематизации, оставив за рамками обсуждения многие важные моменты. Понимая необходимость дальнейшей разработки темы и проведения реальных эмпирических исследований, подведем итоги мысленного эксперимента.

Во-первых, различие логик может объясняться не разными схемами, специфичными для каждой из логик, а разным пониманием одинаково обозначаемых схем. В описанном мысленном эксперименте это схемы универсальности и переживания, гипотетически выведенные из естественной установки сознания.

Во-вторых, описанный мысленный эксперимент не позволяет однозначно предпочесть одну логику другой. С-врач более ориентирован на достижение результата, а П-врач на взаимодействие с пациентом и индивидуализацию лечения. Но для медицинской помощи одинаково важно и то, и другое. Думается, что формализация других логик смысла позволила бы акцентировать новые, столь же важные аспекты лечения.

В-третьих, перспективным представляется исследование как взаимодействия разных логик смысла в одном индивидуальном сознании, так и взаимодействия носителей разных логик.

Список литературы

- Болотова Е.В., Шульженко Л.В., Порханов В.А. Ошибки при диагностике и лечении внебольничной пневмонии // Доктор.Ру. 2017. № 10 (139). С. 37–39.
Бородай С.Ю. Глубинная логика и проблема схематизации // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 5–15.

⁹ Смирнов А.В., Солондаев В.К. Указ. соч.

- Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: Либроком, 2014. 240 с.
- Игнатова Г.Л., Антонов В.Н., Куценко М.А. Диагностика и лечение внебольничной пневмонии. Практические рекомендации // Русский медицинский журнал. 2014. Т. 22. № 25. С. 1810–1815.
- Коровкин С.Ю. Мыслительные схемы в инсайтном решении задач. Дис. ... д.п.н. Ярославль, 2020. 330 с.
- Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019. 160 с.
- Хамитов Р.Ф. Внебольничная пневмония: немедикаментозные факторы риска летального исхода // Пульмонология. 2014. № 1. С. 23–26.
- Zhou P, Wang X, Zhang X, Xu B, Tong X, Zhou W, Shen K, Zhai S. Recommendations on off-label use of intravenous azithromycin in children // International Journal of Clinical Practice. 2021. Vol. 75 (7): e14010. DOI: 10.1111/ijcp.14010.

Natural attitude of consciousness: the scheme of universality and the scheme of experience

Vladimir K. Solondaev

P.G. Demidov Yaroslavl State University. 14 Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; e-mail: solond@yandex.ru

Inna V. Ivanova

Ivanovo State Medical Academy. 8 Sheremetyev av., Ivanovo, 153012, Russian Federation; e-mail: alasel@mail.ru

A.V. Smirnov's theory of the Logic-of-sense is based on the difference between two logics: the logic of substance and the logic of process. Their difference can be examined using the theory of preconceptual experience based on the notion of scheme. A.V. Smirnov has formulated the natural setting of consciousness: existence of the outside world and the Self, their uniqueness and their permanency. As the result of analysis of the natural setting of consciousness the authors singled out two main schemes: the experience scheme and the universality scheme. The schemes are discussed using a thought experiment: the treatment of pneumonia by doctors who understand their own actions using different logics. It is demonstrated that each scheme is valid in both logics. Still, the psychological and objective-practical content of the schemes changes. Experience in process logic is the process which is naturally given to consciousness. Perception of the course of an ailment by a doctor is an example. This perception can be empirically wrong but it cannot be confused with another process, such as remembrance of the manifestations of the disease known to the doctor from literature. Experience in the substance logic, by contrast, is just one of the properties of the disease known from the literature: "it is possible to perceive it by senses in a given situation". Experience that is conceived substantially is often denoted as *qualia*. The universality scheme in process logic is often realized as a universality of the process: the course of the disease is not changing if the observer is changed, though the experience of the course can be different. Universality scheme in the substance logic is realized as universality of the result of the observation: "I see the same thing that any other doctor would see". It follows that the universality scheme understood substantially is a generalization of the results of observations of different observers. Realizations of both schemes can be empirically correct but both have their limitations.

Keywords: process logic (P-logic), substance logic (S-logic), psychology, medical care, scheme, consciousness, attitude

For citation: Solondaev, K.V., Ivanova, I.V. "Estestvennaya ustanovka soznaniya: skhema universal'nosti i skhema perezhivaniya" [Natural attitude of consciousness: the scheme

of universality and the scheme of experience], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 40–46. (In Russian)

References

- Bolotova, E.V., Shul'zhenko, L.V. & Porkhanov, V.A. "Oshibki pri diagnostike i lechenii vnebol'nichnoi pnevmonii" [Errors in the diagnosis and treatment of community-acquired pneumonia], *Doktor.Ru*, 2017, No. 10 (139), pp. 37–39. (In Russian)
- Borodai, S.Yu. "Glubinnaja logika i problema shematizacii" [Deep logic and the problem of schematization], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 5–15. (In Russian)
- Hamitov, R.F. "Vnebol'nichnaja pnevmonija: nemedikamentoznye faktory riska letal'nogo ishoda" [Community-acquired pneumonia: non-drug risk factors of the dead], *Pulmonologiya*, 2014, No. 1, pp. 23–26. (In Russian)
- Ignatova, G.L., Antonov, V.N. & Kucenko, M.A. "Diagnostika i lechenie vnebol'nichnoi pnevmonii. Prakticheskie rekomendacii" [Diagnosis and treatment of community-acquired pneumonia. Practical recommendations], *Russkii meditsinskii zhurnal*, 2014, Vol. 22, No. 25, pp. 1810–1815. (In Russian)
- Korovkin, S.Yu. *Myslitel'nye shemy v insajtnom reshenii zadach* [Thinking schemes in problem solving with insight], Diss. Yaroslavl, 2020. 330 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. & Solondaev, V.K. *Processual'naia logika* [Process based logic]. Moscow: Sadra Publ., 2019. 160 pp. (In Russian)
- Vasil'ev, V.V. *Soznanie i veshhi: Ocherk fenomenalisticheskoj ontologii* [Consciousness and Things: Essay of the Phenomenalistic Ontology]. Moscow: Librokom Publ., 2014. 240 pp. (In Russian)
- Zhou, P., Wang, X., Zhang, X., Xu, B., Tong, X., Zhou, W., Shen, K. & Zhai, S. "Recommendations on off-label use of intravenous azithromycin in children", *International Journal of Clinical Practice*, 2021, Vol. 75 (7): e14010, DOI: 10.1111/ijcp.14010.

Р.В. Псху

ЕЩЕ ОДИН СУБЪЕКТ? ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВИШИШТА-АДВАЙТА-ВЕДАНТЫ*

Псху Рузана Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии, главный научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: r.pskhu@mail.ru

В статье анализируется аспект субъектно-предикативного отношения, актуализация которого поверхностно связывается с развитием аналитической философии на Западе. Данный вопрос имеет важное философское углубление (из грамматики через логику в онтологию) и в истории индийской мысли. В частности, санскритский термин *sāmānādhikarāya* (SA) (букв. «свойство быть сказываемым об одном и том же») стал важным онтологическим принципом в одной из школ веданты (вишишта-адвайта Рамануджи). Этот грамматический термин известен в философской среде, используется также в философии языка Бхартрихари. В вишишта-адвайта веданте данным термином обозначается (а) принцип истолкования священных текстов, по которому все возможно взаимно противоречивые тексты шрути должны рассматриваться интерпретатором как равноавторитетные; (б) принцип, обосновывающий и объясняющий вишишта-адвайтистскую онтологию; (в) и вытекающую из него единственно возможную парадигму освобождения души (бхакти, или преданной любви к Богу, как путь спасения). Анализ материала индийской философии осуществляется на фоне разработок античной философии, а именно Порфирия и ряда аналитических философов (Фреге, Рассел, Витгенштейн). На примере SA представлена иная логическая модель структуры мира, которая делает понятной и убедительной предлагаемую в вишишта-адвайте онтологию.

Ключевые слова: *sāmānādhikarāya*, вишишта-адвайта-веданта, логико-смысловая теория Смирнова, Рамануджа, теория типов Рассела, треугольник Фреге, Брахман, Витгенштейн, санскрит

* Статья подготовлена в рамках Соглашения между Министерством Науки и Высшего образования РФ и Российским университетом дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Ее публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Для цитирования: Псху Р.В. Еще один субъект? Логико-грамматические основания вишишта-адвайта-веданты // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 47–53.

Не позволяйте грамматике диктовать свою волю онтологии.
Бертран Рассел

В книге советского философа и историка науки М.К. Петрова (1924–1987) «Язык, знак, культура» есть замечательная глава под названием «Неевропейские типы социального кодирования», которая начинается со следующих слов: «Ведь в самом деле, если поддаться глубоко укоренившемуся в нашем сознании чувству логической упорядоченности мира, чему чуть ли не самоочевидным доказательством служит познаваемость мира, выразимость результатов познания вещных отношений в логике понятий, то немедленно возникает и вопрос: а по какому, собственно, слову, по какой логике сотворен мир? По слову греков? Англичан? Хопи? Единственно последовательно христианским ответом на этот вопрос будет ответ в духе лингвистической относительности: миров столько, сколько языков, и раз уж данная языковая общность преемственно существует, не входя в конфликты с закономерностями окружения и воспроизводя свои социальные институты в смене поколений, ей нет ни малейшего резона считать свой мир и логику этого мира в чем-то ущербными, уступающими мирам и логикам других языковых общностей в совершенстве»¹. Эта цитата вырвана из контекста для того, чтобы перенести выраженную в ней идею (того, что если некая языковая общность довольно длительное время достаточно успешно живет и выживает, то у нее нет оснований считать, что она в чем-то уступает иным языковым общностям) на уровень философии: если есть некая языковая философия, которая преемственно существует, ставит философские проблемы и предлагает им решения, то создаваемые в ее рамках онтологические системы ни в чем не уступают онтологиям иных языковых философий, построенных на иной логике и использующих иной язык. Рассмотрим это положение в историческом ключе.

В современности проблема соотношения высказываний с тем, о чем они (с устройством мира), ярко поставлена в аналитической философии, где теорию предикации сразу связывают с теорией функций и объектом. В выражении (S-P) S понимается как «законченный объект» (S), а (P) как «функция, обладающая неполнотой» (P). Последняя, согласно Фреге, понимается как «особое правило для предикативных выражений, являющихся функциями, требующих аргумента для получения области значения»². Для дальнейшего обобщения требуется процедура образования в языке более общих классов, объемлющих объекты с одним и тем же признаком (предикатом). На уровне чисто формального построения следование этому принципу (без обращения к содержанию предикатов) приводит к логическим парадоксам, ускользнуть от которых предлагается с помощью теории типов Б. Рассела. В ней любой класс объектов снабжается порядком и индексом: объекты

¹ Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 93.

² Гарин С.В. Античная мысль и аналитическая философия: логика предикации Порфирия в свете теории типов Рассела // *Studia Humanitatis*. 2016. № 4. URL: <https://st-hum.ru/en/node/475> (дата обращения: 03.01.2023).

некоего класса ниже уровнем, чем сам этот класс. Имя класса не может быть подставлено на место имени индивида. Так построение классов задается системой возрастающих индексов. Суждение – это приписывание субъекту предиката, а это дает некоторое отношение между классами, и тогда всякая онтология может (и должна) быть представлена как определенный набор предикаций, остающийся на уровне соотносимых в суждении классов (из которых класс предиката должен быть шире класса субъекта), даже если мы вводим принцип индексации и иерархизации. Расселова теория типов близка теории предикации Порфирия; обе устанавливают корректные процедуры для повышения когерентных связей логических форм суждения³. По Порфирию, отношения могут быть между индивидами и классами, а также между классами и более мощными классами, где предикатом может быть только класс большей общности. О виде может сказываться только род. У Порфирия предикаторование опирается на принцип обратной транзитивности общего: сказываемое о роде может сказываться о виде; о виде – индивиде⁴. В итоге получается строгое соподчинение предметов мира, осуществляемое в языке, а не в самой реальности. Именно язык «диктует» реальным предметам логику их взаимоотношений. Реальные же предметы либо «позволяют» с собой это делать, либо нет. Ранний Витгенштейн довел эту мысль до логического завершения. «Логико-философский трактат» строится на том, что философские проблемы возникают из-за логических нарушений в нашей речи. В предисловии к трактату он пишет: «Смысл текста можно вкратце сформулировать следующим образом: все, что может быть сказано, должно быть сказано четко, а то, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием»⁵, где четкость предполагает четкое соответствие между языком и реальностью; она и есть тот предел мысли, за которым уже бессмыслица⁶.

Но логично предположить и существование таких языков, которые «строят»/выстраивают мир предметности иначе, чем это осуществляется в европейских языках. Этот вопрос ставится и решается в логико-смысловой теории отечественного философа А.В. Смирнова (род. 1958). В частности, им фиксируется тот факт, что арабский язык как бы «избегает» языковых форм, которые могут быть сведены к логической форме « S есть P ». Это обусловлено иным типом мышления, конституируемого самим арабским языком: «...арабский язык видит мир процессуально. Когда мы находимся в стихии арабского языка, мир для нас – совокупность процессов. Процессов, связывающих вещи: вещи (субъекты и объекты) оказываются сторонами, аспектами процессов»⁷. Другими словами, привычная для европейца форма именного предложения (e.g., «Петя [есть] человек»), базовая в описании мира, неактуальна для арабского языка, в котором базовое предложение строится иначе: «...процесс, таким образом, связывает две вещи, а вещь – это то, что составляет сторону процесса и что стянуто, соединено процессом.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1922. С. 6.

⁶ Поздний же Витгенштейн отличает отношение языка к реальности (синтаксис и семантику) от прагматики (употребление языка в конкретных ситуациях). Это означает, что один и тот же язык может использоваться во многих речевых практиках и играх, которые при этом могут обнаруживать семейное сходство.

⁷ Смирнов А.В. Как возможен перевод? Язык, мышление и логика смысла // Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М., 2015. С. 295.

Мышление, которое видит мир таким образом, не может выражать результаты своей деятельности в форме “S есть p”⁸.

Интересно, что проблема предикации рассматривалась и в индийской интеллектуальной традиции, к примеру, в вишишта-адвайта-веданте вводится понятие «соотносительной предикации» (*sāmānādhikaraṇya*), на основе которой выстраивается (и объясняется) особая онтологическая модель мироустройства. Само слово *sāmānādhikaraṇya* по правилам санскрита, согласно *Aṣṭādhyāyī* Панини, выводится так: *sāmāna* «общий» + *adhikaraṇa* «(в грамматике) категориальное значение местного падежа», употребляющегося в санскрите в т.ч. и как русский местный сказательный (в упрощенной школьной грамматике «предложный»): «о [чем-то], про [что-то]». То есть во множественном числе получают прилагательные «имеющие общее категориальное значение сказательного падежа, сказываемые об одном и том же». Далее применяется словообразовательная модель «суффикс *ya* + усиление главного первого слога», что означает абстракцию или наличие свойства: *samanādhikaraṇa* > *sāmānādhikaraṇya*. В итоге получаем: «свойство быть сказываемым об одном и том же». Поскольку без науки грамматики владение санскритом невозможно, этот термин принадлежит к области общего уровня образования индийских философов.

Sāmānādhikaraṇya (SA), превращенная в принцип, может в индийской философии применяться как одна из альтернатив привычной на Западе референциальной теории значения, синтаксически отпавляющей исключительно от предикации. При этом собственно понятия предикации не требуется (да в индийской философии и нет единого ему соответствия). Рамануджа определяет SA так: «...ведь единство двух сущих явствует посредством SA. Если ее отбросить, было бы лишь единство чтойности, а не предмет SA. SA – это употребление об одном предмете слов с разно разворачивающимися признаками»⁹.

При таком подходе невозможно однозначно определять смысл посредством полагания прямой непосредственной связи слова-знака и предмета-референта, как это делается в референциальной теории. В SA смысл достигается не прямым соотношением выражения и предмета, а с учетом определенных сопутствующих факторов. Объект, как правило, всегда связан с разными смыслами: один и тот же объект может быть назван «солью», если мы говорим о вкусе, а может быть назван «натрия хлорид», если мы говорим о его химическом составе. Выяснение собственно значения слова, т.е. предмета, требует знания того, как это слово используется в различных контекстах, выявления его понятийного содержания. Последнее зависит не от отдельного объекта, на который в некоем контексте указывает слово, а от условий и способов использования данного слова в речевых актах, которые в совокупности и формируют значение слова.

Рамануджа использует этот подход при толковании священных текстов, в частности махавакью *Чхандогья-упанишады* «Ты еси То». Итогом его толкования становится понимание Брахмана как единственной Реальности, обладающей отличиями (*viśiṣṭa*). В логическом смысле SA означает, что Брахман – то, о чем говорится, а «ты» и «то» – это то, что сказываются о нем.

⁸ Там же.

⁹ Рамануджа. Ведартхасамграха, 25–26 // Псху Р.В. «Ведартхасамграха» Рамануджи и становление вишишта-адвайта-веданты. М., 2007.

Грамматически же SA означает одинаковость характеристик двух слов, связываемых с одним предметом. Поскольку все сущее мира – это тело Бога, истинная форма вещей реально соответствует модусам Бога. Бог как причина обозначен всеми словами, которыми обозначаются объекты в мире. Принцип SA учитывает прямое и единое значение двух слов, что и позволяет Раманудже отождествить Брахмана и мир со всем его содержанием. Таким образом, у двух слов выявляется одно значение, хотя первоначальные и более привычные их значения отличны друг от друга: слово «То» обозначает Брахмана как единую и всеобщую причину мира, а слово «Ты» – Брахмана в образе индивидуальной души (jīva).

Далее Рамануджа распространяет принцип SA на всю лексику ведийских текстов и разговорного языка. По аналогии можно сказать, что все слова в итоге одно и то же – Брахман, являющийся Внутренним Правителем всего мира и всех душ, являющихся телами и образами Брахмана и обретающих свое существование лишь как его модусы. По сути, все слова относятся только к Брахману. Рамануджа поясняет отношение между Брахманом и миром душ и физических тел и на примере образов: они соотносятся как душа и тело, правитель и управляемый и т.п.

В целом Рамануджа исходит из того принципа, что толковать тексты следует так, чтобы окончательный результат истолкования не привел к противоречию. Тексты, сохраняя свое первоначальное значение, перестают быть противоречивы. Тогда тексты, утверждающие отличие Брахмана от мира и душ, и те, где утверждается, что Брахман должен быть и причиной, и следствием, не противоречат текстам, в которых говорится, что души и мир образуют тело Брахмана и в своем причинном состоянии не различны именами и обликами, присутствующими в состоянии следствия.

Встречающиеся в священных текстах противоречия следует снимать посредством обнаружения их подлинного смысла, который только и может вернуть этим текстам смысловую целостность. Для этого и вводится принцип SA: окончательное значение слова, выражающего атрибут, обнаруживается только при применении его к определенному объекту, выраженному именем существительным. Вот обыденный пример тому: определения «красный» и «острый» несопоставимы; одно о вкусе, другое о цвете. Их не соотнести, не обнаружив предмет с обоими этими качествами, т.е. перец чили. Он-то и оказывается сущностью, соотносящей эти несоотносимые *между собой* атрибуты. По аналогии с этим рассматривается и все остальное: материальные вещи и воплощенные души не соотносимы между собой, сопоставление их в одной плоскости искажает реальное положение вещей и вводит в заблуждение. Любой мирской объект требует соотнесения с Брахманом и только в этом случае выявляет свое истинное значение.

Согласно Раманудже, истинное познание Реальности доступно нам через священные тексты, которые предстают противоречащими друг другу. Правильная экзегеза таких текстов требует от экзегета принятия всех их как обладающих равной авторитетностью и поиска такого смысла, который бы эту противоречивость снял. Обнаружение этого смысла и будет демонстрацией его истинности. Предложенные Рамануджей методы призваны извлечь из священных текстов, изначально противоречивых, их подлинный сокровенный смысл. Данные методы предполагают определенные способы категоризации участников отношения и их связи.

1. Образы, в которых предполагается жесткая иерархизация двух объектов, главного и зависимого, используются в так называемом символическом методе («субстанция/атрибут», «душа/тело», «господин/слуга», «огонь/искры» и т.п.). Используемые в этом методе образы неотделимы друг от друга и в аспекте познаваемости (или узнаваемости) друг через друга.

2. Предикационный треугольник, в котором два соотносимых объекта соотносятся не напрямую друг с другом, а через третий объект, на фоне которого вскрывается истинное значение первых двух объектов. Этот метод можно назвать логико-грамматическим, и в основе его лежит принцип SA. Мы видим, что первые два объекта – на одном уровне и оба подчинены третьему объекту, находящемуся на ином уровне.

Оба метода преследуют одну и ту же цель – постижение истинной природы Брахмана, который определяется как Сущее (sat), Внутренний Правитель (antaṛyāmin), обладающий способностью иметь тотчас воплощающиеся в действительность намерения (satyasamkalpa). В контексте упанишад именно данные определения Брахмана образуют единое целое, снимая все возможные противоречия.

Таким образом, мы видим, что онтология вишишта-адвайты целиком и полностью зависит от положенной в ее основу особой формулы предикации, напрямую соотносящей предметы мира с Брахманом, чьими атрибутами они являются.

Список литературы

- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 1992. 59 с.
- Гарин С.В.* Античная мысль и аналитическая философия: логика предикации Порфирия в свете теории типов Рассела // *Studia Humanitatis*. 2016. № 4. URL: <https://st-hum.ru/en/node/475> (дата обращения: 03.01.2023).
- Петров М.К.* Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
- Псху Р.В.* «Ведартхасамграха» Рамануджи и становление вишишта-адвайта-веданты. М.: РУДН, 2007. 301 с.
- Смирнов А.В.* Как возможен перевод? Язык, мышление и логика смысла // *Смирнов А.В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 281–295.

One more logical subject? Logical and grammatical foundations in viśiṣṭādvaita*

Ruzana V. Pskhu

RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: r.pskhu@mail.ru

The article analyzes the aspect of the subject-predicative relationship, the actualization of which is superficially associated with the development of analytical philosophy in the

* The article was prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation and the RUDN University No. 075-15-2021-603: “Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions”. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

West. This question has an important philosophical deepening (from grammar through logic to ontology) also in the history of Indian thought. In particular, the Sanskrit term *sāmānādhikaraṇya*, which is commonly translated as ‘correlative predication’, has become an important ontological principle in one of the vedānta schools (*viśiṣṭādvaita* of Rāmānuja). Previously, this term is found in the grammar of Panini and in the related philosophy of the Bhartirhari language. In *viśiṣṭādvaita*, this term denotes (a) a logical and grammatical method of interpreting the sacred texts, according to which all texts of śruti, despite their inconsistency, should be considered by the interpreter as equally authoritative; (b) the principle justifying and explaining the *viśiṣṭādvaitic* model of ontology; (c) and the resulting only possible paradigm of liberation of the soul (*bhakti*, or devotional love of God, which is based on karma and *jñāna*, as a way of salvation). The analysis of the material of Indian philosophy is carried out in the context of the developments of Western European philosophy, in particular, Porphyry and a number of analytical philosophers (Frege, Russell, Wittgenstein). Using the example of *sāmānādhikaraṇya*, a different logical model of the structure of the world is presented, which makes the ontology proposed in *viśiṣṭādvaita* understandable and convincing.

Keywords: *Sāmānādhikaraṇya*, *vviśiṣṭādvaitavedānta*, Smirnov’s logical-semantic theory, Rāmānuja, Russell’s theory of types, Frege’s semantic triangle, Brahman, late Wittgenstein, Sanskrit

For citation: Pskhu, R.V. “Eshhe odin sub’ekt? Logiko-grammaticheskie osnovaniya vishishta-advajta-vedanty” [One more logical subject? Logical and grammatical foundations in *viśiṣṭādvaita*], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 47–53. (In Russian)

References

- Garin, S.V. “Antichnaya mysl’ i analiticheskaya filosofiya: logika predikacii Porfiriya v svete teorii tipov Rassela” [Ancient Thought and Analytical Philosophy: the Logic of Porphyry’s Predication in the Light of Russell’s Theory of Types], *Studia Humanitatis*, 2016, No. 4 [<https://st-hum.ru/en/node/475>, accessed on 03.01.2023]. (In Russian)
- Petrov, M.K. *Yazyk, znak, kul’tura* [Language, sign, culture]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 328 pp. (In Russian)
- Pskhu, R.V. ‘*Vedarthasamgraha*’ Ramanuji i stanovlenie vishishta-advajta-vedanty [Ramanuja’s ‘*Vedarthasamgraha*’ and the formation of Vishishta-Advaita Vedanta]. Moscow: RUDN Publ., 2007. 301 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. “Kak vozmozhen perevod? Yazyk, myshlenie i logika smysla” [How is translation possible? Language, Thinking and Logic], in: A.V. Smirnov, *Soznanie. Logika. Yazyk. Kul’tura. Smysl* [Mind. Logic. Language. Culture. Sens]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 2015, pp. 281–295. (In Russian)
- Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskii traktat* [Logical and Philosophical Treatise], trans. by L. Dobrosel’skii. Moscow: AST Publ., 1992. 59 pp. (In Russian)

А.В. Парибок

СВЕРХКРАТКИЕ ТЕЗИСЫ О ЯЗЫКОВЫХ АСПЕКТАХ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-СПЕЦИФИЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ*

Парибок Андрей Всеволодович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: watanparast@mail.ru

В статье изложены языковые обусловленности и корреляции четырех цивилизационно-специфичных типов рациональности: (1) Большой Запад (БЗ), наследник античной цивилизации (с подтипами; центр одного из подтипов – Россия); (2) Афро-Азиатская (АА) цивилизация, в нынешнем состоянии представленная многоязычным арабо-исламским миром (его своеобразие и фундаментальное отличие от западной рациональности открыто, а затем подробно разработано в трудах философа А.В. Смирнова по логико-смысловой теории) и более древним вариантом иудейской культуры; (3) Южноазиатская (ЮА) цивилизация, зародившаяся в центральной части северной Индии, определившая культуры Индокитая (кроме Вьетнама) и ранее Индонезии; (4) Дальневосточная (ДВ) цивилизация, сформировавшаяся в Китае и распространившаяся на сопредельные страны. Рассмотрены корреляции с типами развитой письменности с опорой на ярусы языкового устройства каждой из цивилизаций, а также результаты предельного семантико-онтологического перехода. Единственно родственная смежная теория – логико-смысловая теория А.В. Смирнова; некоторые ее результаты нашли свое применение в высказанных мыслях.

Ключевые слова: логико-смысловая теория Смирнова, санскрит, теория цивилизационно-специфичной рациональности Парибка, письменность, языковые ярусы, онтология

Для цитирования: *Парибок А.В.* Сверхкраткие тезисы о языковых аспектах теории цивилизационно-специфичной рациональности // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 54–61.

* Публикация подготовлена в рамках Соглашения между Министерством Науки и Высшего образования РФ и Российского университета дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Ее публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Предупреждение

Нижеследующее изложение близится к функциональному стилю индийских сутр на санскрите и рассчитано на будущее подробное развертывание отдельных блоков в виде более доступных текстов.

Общие положения

Верхний самый общий уровень умственного устройства как индивидуума, так и их кооперации для любого рода деятельности и совместного цивилизованного бытования в культурном человечестве не един и не единственен. Имеется ровно четыре исторически сложившихся тысячи лет предельно взаимно отличных способов такого устройства – цивилизационно-специфичных рациональностей (ЦСР): (1) Большой Запад (БЗ), наследник античной цивилизации (с подтипами¹); (2) Афро-Азиатская (АА) цивилизация, в нынешнем состоянии представленная многолюдным арабо-исламским миром² и более древним вариантом иудейской культуры; (3) Южноазиатская (ЮА) цивилизация, зародившаяся в центральной части северной Индии и определившая культуры Индокитая (кроме Вьетнама) и ранее Индонезии; (4) Дальневосточная (ДВ) цивилизация, сформировавшаяся в Китае и распространившаяся на сопредельные страны. Ни одна из трех великих азиатских цивилизаций никогда не станет частью или периферией БЗ, если БЗ не окажется причиной сокращения большинства их населения или не запретит в этих странах трансляцию культуры, их классические языки (арабский, древнееврейский, санскрит, вэньянь), письменность и гуманитарное образование, что не осуществимо. Эти четыре типа выделяются по разным критериям, взаимную связность которых еще предстоит понять, однако их применение приводит к одному и тому же результату. Здесь я ограничился обсуждением аспектов, которые связаны с языком и речью. Есть и другие.

1. Критерий школы и письменности

Высокую культуру вырабатывает и транслирует элита. В древности, когда эти цивилизации определились, формировавшаяся на новых основаниях³ элита стала выделяться из прочего населения школьным образованием как чем-то отличным от простого втягивания подрастающего поколения во взрослую деятельность у всех прочих. В ту эпоху школа была по меньшей мере столь же элитарным социальным институтом, как в современности аспирантура. В любой школе первым основным предметом была письменность. Изобретение письменности привело к важнейшему категориальному результату: было создано средство превращать *события* устной речи в *вещи* письменной речи (тексты). Письмо – сложнейший навык, координирующий все три доступные человеку семиотические среды: слуховую, зрительную

¹ Центр одного из подтипов – Россия.

² Его своеобразие и фундаментальное отличие от западной рациональности открыто, а затем подробно разработано в трудах А.В. Смирнова по логико-смысловой теории.

³ То есть не на кровнородственных.

(писанный текст виден) и моторную (его написали и можно переписать)⁴. Сложный навык порождает умственную организацию, естественно обобщающуюся у грамотного на многие другие области его деятельности и приемы познания⁵. У человечества есть ровно четыре рода развитой письменности, вышедшей за границы слогового письма – предела доцивилизационного культурного развития⁶. Они таковы: (1) в БЗ – буквенное письмо на основе сильной и глубоко не очевидной, в т.ч. чувственно-акустически, абстракции отображения членораздельных звуков; (2) в АА – «консонантное» (в неадекватной европейской терминологии) письмо, в арабской традиции это *харфы*⁷ с принципиальным различием начертанного и неначертанного – оставленного читателю для оглашения при переводе письма в звучание; (3) в ЮА – строгая фонетическая (в тамильском – фонологическая) транскрипция звучащих и не членимых при говорении порций членораздельной речи (санскр. *акшара*). В лингвистике увы, прижились нелепая бирка «абугида» (из языка геэз) и неверная трактовка этой письменности как слоговой; (4) в ДВ – идеографическое письмо (в русском неточном обиходе «иероглифика», что собственно означает по-гречески вымершее древнеегипетское письмо). Эти типы исторически идеально соответствуют типам ЦСР, хотя ныне затемнены культурной агрессией БЗ (переход турок на латиницу, перевод вьетнамцев на нее же, перевод таджиков и монголов на русский алфавит и пр.).

2. Критерий опоры на ярусы языкового устройства

Ум в окружающем мире натывается на предметы внимания разной сложности и устройства. Иногда это (обобщенные) вещи: камень, вилка, мыс, семья, пьеса и пр. Иногда – ситуации/события: театральное представление пьесы, наступление войск, экономическая депрессия... Наконец, иногда это простые феномены; для нас, людей БЗ, это некоторые грани вещи или ситуации: такой-то оттенок цвета, усталость, подъем бровей как аспект мины и пр. При сложившемся уме выделение вниманием определено одного из трех этих уровней (пишу «уровней», ибо в исследовательской позиции и изнутри БЗ нам ясно, что вещи складываются из феноменов, а ситуации бывают с вещами), скорее всего, происходит машинально, по обстановке и задачам, без сознательного выбора. Облако для живописца – зрительный феномен, а для рыбака оно относится к *ситуации* клева.

Но в каждой ЦСР наблюдается тяготение к тому, чтобы больше фиксироваться на одном из этих структурных уровней. Обнаружить это можно исключительно при сравнении таких шаблонов в разных ЦСР, а изнутри любой из них это незаметно. И эти уровни предметности строго коррелируют с так называемыми ярусами конструкции языка-речи, а именно: (1) ситуации – с высказываниями, их описывающими: «В Александринке поставили пьесу Островского “Бесприданница”»; (2) обобщенные вещи – с именами

⁴ См. стихотворение Йозефа Кнехта “Buchstaben” в «Игре в бисер» Германа Гессе.

⁵ Примерно как не востребуемое большинством взрослых школьное умение доказывать геометрические теоремы обобщается как привычка к рассудочным операциям, но гораздо шире.

⁶ Примеры: слоговое письмо, созданное великими творцами культуры для своих народов. Секвойя даровал письменность индейцам чероки, а Нджоя – народу шумом в Камеруне.

⁷ Более подробно см.: *Смирнов А.В. Событие и вещи. М., 2017.*

существительными, возможно, с определением или приложением: Александринский театр; драматург Островский; пьеса; пьеса «Бесприданница»; (3) простые феномены (в русском и подобном ему языках) – со знаменательными морфемами: синь-, желт-, слышь-, мал- и пр.

Иллюстрирую это тяготение к ярусам типичными описаниями телесных упражнений, коль скоро шаблоны конкретной ЦСР всеобща (формальны), изнутри не осознаваемы, а такой материал нагляден. (1) В БЗ: «Атлет выполняет становую тягу штанги классическим хватом». Здесь предположены такие предметные вещи (понятийно оформленные в БЗ со времен Аристотеля как сущности, *οὐσία*. Сущность – то в мире, о чем употребляют обычное существительное) как тело атлета и штанга, а также «обобщенные вещи» – становая тяга и классический ее стиль. Они уже заранее были, а потому могут породить названную ситуацию. Для ЮА же или ДВ становая тяга или ее стиль заведомо не даны как рядоположные с живым телом спортсмена и его инвентарем. (2) В ДВ: «Старый тигр прыгает из засады»⁸. Описано некоторое возможное упражнение ушу. Китаец понимает и исполняет это движение, но опирается при этом на формальное моделирование *целой* ситуации, не членимой на сущности (вещи), их свойства и т.п. Мы можем многократно пронаблюдать движение, как-то уяснить себе его инвариант, но при этом не обнаружим там отдельно подобия ни тигру, ни его возрасту, ни засаде. (3) В ЮА хатхайог выполняет позу «кузнечика», или «черепахи», или «коровьей морды». Нет сущностей, нет и ситуации, но налицо феномен – видимое сходство *очертаний* тела с привычным *обликом* живого существа (но не с ним самим!) или части его тела. Этому соответствует своего рода допредметная морфема.

3. Различение языковых опор БЗ и АА

АА пока оставалась без пояснений. Она тоже прикреплена к ярусу слов, но совсем иначе, чем БЗ; опишем их различие, причину его и ближайшие последствия. Предметные имена в морфологически нетривиальных языках, а такковы и индоевропейские, и семитские, (а) что-то означают в мире (у Фреге это *Bedeutung*), и (б) осмыслены в силу своего поморфемного устройства (у Фреге – *Sinn*), т.е. в согласно составленности из семантических феноменов (в индоевропейских языках это морфемы). «Овощехранилище» или «рубанок» и значат нечто, и осмыслены, а вот «бревнохранилище» или «строганок» осмыслены, но беспредметны, со значением не соотнесены. В древнегреческом и латыни, классических языковых средах древнего варианта БЗ рациональности, морфологическая составленность лексемы часто затемнена флективностью. Это препятствие можно было бы устранить, будь в античности аналог мощной древнеиндийской лингвистики, в которой *строго все* лексемы санскрита выводятся из конструкций морфем и которая была фундаментальным предметом общего образования элиты. Но такового в античности вовсе не было, и отношение к языковым вещам осталось наивным, в лучшем случае стилистико-филологическим. Так что в БЗ умственное усилие понимающего речь привыкло сразу идти к предмету, о котором сказано данное слово, не задерживаясь на словесном устройстве. Предмет же категоризуется как сущность (лат. *substantia*, откуда выявленная А.В. Смирновым «субстанциальность» цивилизационно-специфичного ума БЗ). А семитский строй языка, напротив, выделяется почти полной

⁸ Придуманно автором для наглядности, как и с атлетом выше.

морфологической прозрачностью (за вычетом разве что т.н. «пустых» и «недостаточных» корней), так что ум араба при восприятии родной речи (и письменной тоже) делает краткую остановку на устройстве слова и, соответственно, на смысле. Но огромное большинство даже предметных слов в арабском морфологически связано с действиями и процессами (о непредметных и говорить нечего: *все связаны!*), и отсюда черта АА рациональности, подробно изученная А.В. Смирновым, – процессуальность.

Далее, понимание речи и субстанциальная фиксация ума приводит в классике БЗ к абстракции, именуемой «язык» – к уходу от речевой действительности в идеальное пространство. Отсюда «треугольник Фреге»: слово (или именная группа: «старая засохшая ель») – смысл (Sinn) – значение (Bedeutung, т.е. предмет в мире). Он будто бы дает полную картину. Не замечается или не важна ситуация *речи*, в которой всегда кто-то обращается к кому-то. Допустимо это в БЗ потому, что преимущественное, чтобы не сказать исключительное, внимание в *самосознании* БЗ уделяется познанию и спокойному общению по его поводу, т.е. обмену мнениями о познаваемых предметах, и в этой ситуации очевидно безразлично, чьи мнения, важны лишь их содержания. Но ведь в действительности люди словами очень часто приказывают, возбуждают друг в друге разные страсти и прочими способами воздействуют речами друг на друга. Итак, для полноты понятийного схватывания кванта речевой действительности тройка должна быть дополнена до пятерки: «что говорится (речевое выражение) – про что (предмет) – в каком аспекте (смысл) – говорящий (кто, первое лицо) – адресат (кому, второе лицо)». Однако эта конструкция существенно нелинейна, ибо строится из пары пар с пятым связующим пары компонентом, что на выбор будет либо речевым выражением, либо чем-то (обобщенной вещью, ситуацией, феноменом) в мире. До современности не имелось рациональных средств работы с нелинейными конструкциями, в силу чего при выделении (все равно, почему оно произошло) одной пары и третьего члена вторая пара оставалась в тени и была полузаметна. В БЗ это дало треугольник Фреге. В АА же главной оказалась тройка с другой парой: говорящий – речевое выражение – адресат. В силу этого предикация в БЗ коррелирует с двумя вершинами треугольника: субъект – со значением, а предикат – со смыслом, в АА же обще-семиотическая действительность предикации понятийно схвачена тем же терминологическим гнездом, что и отношение говорящего к адресату, например, в ссылках на первого сказавшего и цепочку передатчиков: «опора» (предикативность), «опираемое» (сказуемое), «то, на что опирается опираемое» (подлежащее; ср. в БЗ: подлежащее – это то, о чем сказуемое). При этом говорящий иерархически всегда выше адресата: речь фундаментально всегда остается повелением внимать, слушать; и есть немало ситуаций, в которых многим участникам разрешено только слушать и запрещено говорить. Также, разумеется, при нахождении в фокусе внимания участников речевого акта естественна деятельностная, процессуальная трактовка предикации.

Предельные онтологические переходы в каждой ЦСР

Онтологизация фундаментальных и формальных черт языкового устройства и способов его понимания в культуре – чрезвычайно естественный, сам собой напрашивающийся переход от речи к действительности и(ли)

реальности. В БЗ, строящемся на интуиции сущностей-субстанций как внеязыковых коррелятов имен существительных, Порфирием было предложено т.н. «древо» классификации сущностей, опирающееся исключительно на принцип дихотомии, поскольку разбиение, выходящее за пределы дихотомии, невозможно согласовать с дихотомией подлежащее-сказуемое в его субстанциалистской трактовке. Оно также коррелирует с гилеморфической лестницей по Аристотелю, а на вершине (содержательно говоря, в корне) одной называется *quintessentia*, форма форм, мышление, мыслящее само себя, т.е. западный философский Бог. На другом конце – неопределенное разнообразие и иррациональная (неисчислимая) множественность материального. Таки образом Бог или в неоплатоническом варианте Единое необходимо для замыкания данной смысловой конструкции. В АА на основе предельного перехода вверх по лестнице говорящих и внимающих получаем семитского единого Бога, абсолютно авторитетно и безапелляционно вещающего; например, это библейский персонаж в знаменитой книге пророка Исайи, который уклончиво отвечает на вопрос «Кто ты?» словами «А кто я есть, тот я и есть», давая понять человеческому собеседнику, что тому не по чину задавать вопросы и говорить. Его дело почтительно и благоговейно внимать. Таков же в исламском варианте Аллах, источник Корана. Стало быть, считать Иегову или Аллаха «религиозными (мифологическими) образами или фигурами» – яркое межцивилизационное недоразумение. Они не персонажи «религии», а результат необходимого предельного перехода в АА конструкции рациональности. В ДВ возможности построить классификацию сущностей или даже понятие сущности не дал лишенный морфологии древнекитайский язык, в котором все простые лексемы односложны, все слоги структурно-фонетически исчислены, и их не более нескольких тысяч. С таким скудным набором построить мощную рациональность было бы невозможно. В частности, поэтому опорным ярусом в ДА оказались высказывания с их коррелятами в мире – ситуациями. Самый фундаментальный текст рациональности ДВ, «И-цзин» представляет собой формальную классификацию ситуаций возможного принятия решения, что делать или не делать, и опирается на интуицию типа теории игр, опрокинутую туда, где на Западе – «онтология» (учение о типических необходимых сущих). В нем уже полностью сняты все материальные характеристики ситуации, т.е. устранены отсылки к участникам, их свойствам и т.п. На следующем шаге обобщения возникает последний предельный китайский вопрос: чем объясняется или что такое смена одной формальной ситуации другою? Ответ таков: это *дао* как не-ситуация (тем паче и подавно не «сущность») смены ситуаций. Понятно, что дальнейшее вопрошание, по сути, неуместно и предвосхищается либо парируется семантическим пределом индифференции апофатики и тавтологии точно так же, как на Западе («Что думает Бог как мышление?» – «Свое думание думает мышление!») и в АА («Аллах – абсолютное действие и его причина абсолютная воля. Почему он так волит? Потому что он так волит волить!»). При ранних попытках внедрить католичество в Китае иезуиты пробовали переводить «Бога» (китайцы никак не могли взять в толк, что это такое, как их современников европейцев *дао* вводило в умственный ступор) как «дао», что одновременно и беспредельно нелепо, и указывает на смутное предпонимание миссионерами равной предельности как Бога, так и дао. В ЮА предельный переход приводит к абсолютному феномену в двух вариантах исполнения. В индуистском мышлении – атман; как слово, это

существительное со значением возвратного местоимения, т.е. «сам, себя». Неуместный вопрос будет звучать так: «Кто “сам”? Ты “сам” или я “сам”?» Правильный ответ: «Ни ты, ни я, а Сам сам». В буддийском варианте это дхарма как то, что «имеет само себя, значит само себя, имеет свою природу». Неуместный вопрос: «Что у нее за природа?» Ответ: «Своя природа!».

Заключение

Описанные языковые и речевые обусловленности типов ЦСР весьма важны и даже центральны для понимания их устройства, но не они описывают их генезис и не они дадут априорное доказательство того, что типов только и ровно четыре и что они таковы. Такое доказательство проводится на основании формально-антропологической теории деятельности и требует отдельного текста.

Список литературы

Смирнов А.В. Событие и вещи. М.: Садра: Издательский Дом ЯСК. 2017. 232 с.

Super-concise theses on the linguistic aspects of the theory of civilization-specific rationality*

Andrei V. Paribok

RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: watanparast@mail.ru

The article describes the linguistic conditionalities and correlations of four civilization-specific types of rationality: (1) The Great West (BZ), the heir of the ancient civilization. (2) The Afro-Asian (AA) civilization, in its current state represented by the populous Arab-Islamic world and a more ancient version of the Jewish culture. (3) The South Asian (SA) civilization, which is originated in the central part of the northern India, which defined the cultures of Indochina (except Vietnam) and earlier Indonesia. (4) The Far Eastern (DV) civilization formed in China, which spread to its neighboring countries. The author explores the correlations with the types of a developed writing based on the tiers of the linguistic structure of each of the civilizations, as well as the results of the ultimate semantic-ontological transition. The only related theory belongs to Andrei Smirnov and is called the Logic-of-sense theory. Some of its results have found their application in the thoughts expressed in this paper.

Keywords: Smirnov's logical-semantic theory, Sanskrit, the theory of civilization-specific rationality of Paribas, writing, language tiers, ontology

* The article has been prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation and the RUDN University No. 075-15-2021-603: "Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions". This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

For citation: Paribok, A.V. “Sverhkratkie tezisy o yazykovykh aspektah teorii zivilizatsionno-spezificheskoi razionalnosti” [Super-concise theses on the linguistic aspects of the theory of civilization-specific rationality], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 54–61. (In Russian)

References

Smirnov, A.V. *Sobitiye i veshi* [Event and things]. Moscow: Sadra; LSC Publ., 2017. 232 pp. (In Russian)